

Кристофер Уильям Гортнер
Заговор Тюдоров
Серия «Женские тайны»
Серия «Шпионские хроники», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16056281

К.У. Гортнер. Заговор Тюдоров: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-10842-4

Аннотация

Англия, 1553 год. Мария Тюдор становится королевой, ее враги повержены и заточены в Тауэр. Но, обручившись с испанским принцем Филиппом, ревностным католиком, она подвергает опасности своих подданных-протестантов, и тогда в народе начинают ползти слухи о заговоре с целью свергнуть королеву и посадить на трон ее сестру, принцессу Елизавету, которую многие считают единственной надеждой Англии.

Брендан Прескотт, тайный шпион Елизаветы, живет вдали от дворцовых интриг. Однако тревожные новости вновь заставляют его погрузиться в темный мир предательства и обмана. На этот раз он должен найти и вернуть письмо Елизаветы, опрометчиво посланное одному из заговорщиков. Вступив в смертельную игру с загадочным и коварным противником, Брендан прекрасно осознает, что на кону стоит будущее Англии и сама жизнь принцессы...

Впервые на русском языке! Продолжение захватывающего романа «Тайна Тюдоров»!

Содержание

Зима 1554 года	5
Хэтфилд	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Уайтхолл	30
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

К. У. Гортнер

Заговор Тюдоров

Посвящается Эрику

*Ей присущи особые чары.
Симон Ренар о Елизавете Тюдор*

C.W. Gortner
THE TUDOR CONSPIRACY
Copyright © 2013 C.W. Gortner
All rights reserved

© Т. Кухта, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Зима 1554 года

В жизни каждого из нас неизбежно наступает время, когда мы должны переступить порог и познать невидимую границу, отделившую того, кем мы были, от того, кем стали. Порой этот переход нагляден – внезапная катастрофа, которая подвергает испытанию наше мужество, трагическая потеря, которая открывает нам глаза на бренность смертного бытия, либо личный триумф, который исполняет нас уверенности в себе, столь необходимой, чтобы отринуть свои страхи. Иной раз переход оказывается размыт незначительными мелочами бурной повседневной жизни, и мы улавливаем его лишь во вспышке запретного желания, в неизъяснимом чувстве тоскливой пустоты либо в алчном стремлении обрести более, много более того, чем уже обладаем.

Порою мы радостно приветствуем возможность тронуться в новый путь, видя в ней удобный случай сбросить кожу юности и выказать себя достойными противостояния неисчислимым превратностям судьбы. Порой мы неистово сетуем на непредвиденную жестокость перемены, сопротивляясь тому, чтобы нас бесцеремонно вышвырнули в открытый мир, который мы еще не готовы познавать, которого мы не знаем, которому не верим. Прошлое для нас – тихая гавань, и мы всем сердцем не желаем ее покидать, дабы будущее не извратило нашу душу.

Лучше уж не меняться вовсе, нежели стать тем, в ком не узнаешь себя.

Мне ведомо все об этом страхе. Ведомо, что такое хранить тайну и притворяться, будто я могу быть таким, как все, – заурядным, неприметным; тем, чьи дни от рассвета и до заката подчинены строгому распорядку, тем, чье сердце не принадлежит никому. Я стремился быть кем угодно, только не тем, кто я есть. Мне казалось, я в полной мере познал все виды злоключений и загубленной чистоты, все жестокости, совершаемые во имя веры, власти и похоти. Я незыблемо полагал, что, отринув истину, отведу от себя опасность.

Я – Брендан Прескотт, бывший оруженосец лорда Роберта Дадли, ныне состоящий на службе у принцессы Елизаветы Тюдор Английской.

Той зимой 1554 года обман, мной сотворенный, обернулся против меня.

Хэтфилд

Глава 1

Удар и выпад! Влево! Да нет же, влево от тебя!

Выкрик, слитый с металлическим звоном, эхом отдался от стен сводчатой галереи Хэтфилда, когда Кейт бросилась на меня, размахивая шпагой. Ноги ее в мягких туфлях ступали совершенно бесшумно.

Не обращая внимания на то, что пот заливает лицо, что остриженные до плеч волосы выбились из-под тесьмы и облепили шею, я мгновенно оценил свою позицию. На моей стороне было преимущество в весе и росте, но за Кейт стояло несколько лет обучения. Воистину, ее фехтовальное мастерство оказалось для меня полной неожиданностью. Мы свели знакомство каких-то пять месяцев назад, во дворце Уайтхолл, в то смертельно опасное время, когда я служил оруженосцем при лорде Роберте Дадли, сыне могущественного герцога Нортумберленда, а Кейт исполняла роль осведомительницы для нашей нынешней хозяйки принцессы Елизаветы Тюдор. В ту пору при дворе Кейт обнаружила кое-какие таланты, весьма необычные для особы женского пола, однако, когда она впервые взялась наставлять меня в фехтовании, мне и в голову не приходило, что юная леди окажется такой мастерицей. Я-то полагал поймать ее на слове и уличить в хвастовстве, наивно думая, что она в лучшем случае изобразит два-три выпада и защитных приема. Кейт весьма скоро показала, насколько я заблуждался.

Сейчас я увернулся, и шпага Кейт со свистом рассекла пустоту. Круто развернувшись, слегка покачиваясь на подошвах мягких кожаных туфель, я следил, как Кейт исподволь подкрадывается ко мне. Изображая усталость, я позволил ей подобраться ближе. Едва она изговорила атаковать, я отпрыгнул вбок и ударил клинком сверху вниз.

Шлепок стали по обтянутому перчаткой запястью отдался в пустоте галереи, точно раскат грома. Кейт ошеломленно ахнула, разжала пальцы, и шпага с лязгом упала на пол.

Наступила напряженная тишина.

Сердце мое неистово колотилось, подпрыгивая чуть ли не у самого горла.

– Любовь моя... о боже, ты ранена? Прости меня, я не хотел! Я не знал... не знал, что...

Кейт безмолвно покачала головой, поправляя перчатку. Я успел заметить прореху в том месте, где мой клинок ухитрился рассечь кожу. При виде алой подкладки меня охватила дурнота.

– Но как же это... – Осекшись, я провел пальцем по режущей кромке клинка. – Моя шпага не затуплена? На кончике должен быть колпачок... где он? Упал, наверное!

Я принялся было осматривать пол, но остановился, потому что меня вдруг осенило. Я оглянулся на тощего юнца, который застыл в углу, словно каменный.

– Перегрин! Ты затупил мою шпагу, как я приказал?

– О, разумеется, затупил, – вмешалась Кейт. – Перестань кричать. Вот, гляди, ничего страшного не случилось. Всего лишь царапина.

С этими словами она протянула руку и показала запястье. На нежной белой коже, которую я столько раз целовал, багровел синяк, обещавший достичь изрядных размеров, но раны, к моему величайшему облегчению, не было.

– Я бесчувственный зверь, – пробормотал я. – Мне не следовало бить с такой силой.

– Нет, именно так бить и следовало. Застать противника врасплох и обезоружить. – Взгляд ее золотисто-медовых глаз устремился на меня. – Тебе нужен наставник получше. Я обучила тебя всему, что знаю сама.

Похвала Кейт смутила меня. Хотя слышать такое было приятно, я почувствовал, что ее комплимент чересчур ловок, чтобы принять его на веру. Я наклонился к шпаге, которая валялась у ее ног... и стиснул зубы.

— Как я сразу не догадался! С твоей шпаги тоже, видимо, слетел колпачок? — Я помедлил, пожирая ее взглядом. — Силы небесные, Кейт, ты с ума сошла? Зачем ты это сделала?

Кейт предостерегающе положила руку мне на плечо, но, оставив этот жест без внимания, я угрожающе развернулся к Перегрину. Паренек не дрогнул. Глаза его, зеленые с голубизной, как морская вода, были широко раскрыты и тем светлее казались на фоне густых темных кудрей, в беспорядке обрамлявших лицо. Перегрин не знал дня своего рождения, но полагал, что ему почти сравнялось четырнадцать, и хотя ростом был невелик, черты его лица уже понемногу утрачивали ребяческую проказливость, недвусмысленно намекая, что в будущем этот юнец станет настоящим красавчиком. Чистый воздух и обильная пища в поместье Хэтфилд, принадлежавшем Елизавете, преобразили Перегрину, напрочь стерев приметы изнуренного конюшенного мальчика, который стал моим первым другом при дворе.

— Ты должен был осмотреть шпагу, — сказал я ему. — Это входит в обязанности оруженосца. Оруженосцы всегда осматривают и проверяют снаряжение своих хозяев.

Перегрин выпятил нижнюю губу:

— Я осматривал! Просто...

— Осматривал. — Я ощутил, как в голосе помимо воли зазвенел гнев, но не смог его сдержать. — Что ж, если и так, то ты плохо справился со своей работой. Возможно, ты еще не готов к должности оруженосца. Возможно, следует вернуть тебя в конюшни. По крайней мере, там никто не поранится из-за твоей небрежности.

— Брендан! — возмущенно вскрикнула Кейт. — Вот теперь ты и вправду ведешь себя как бесчувственный зверь! Перегрин ни в чем не виноват. Это я сняла колпачки перед самым твоим приходом. К тому же мой колет подбит так плотно, что выдержит и морской шторм. Мне не грозила никакая опасность.

— Ах, не грозила? — Я развернулся к ней, потрясенный до глубины души. — Я же мог отсечь тебе руку!

— Но ведь не отсек. — Кейт вздохнула и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала меня. — Пожалуйста, не сердись. Мы упражняемся ежедневно уже не первую неделю. Рано или поздно колпачки должны были слететь.

Я что-то буркнул в ответ, хотя сознавал, что не следует ее порицать. Далеко не сразу, а лишь заработав изрядное количество синяков, я осознал: хотя видимой причиной наших занятий было стремление обучить меня тонкостям фехтовального мастерства, на самом деле мы таким образом вымещали досаду на то, что не успели испросить разрешения на брак, прежде чем принцесса Елизавета отправилась в Лондон, дабы присутствовать на коронации своей сводной сестры королевы Марии.

Приняв во внимание обстоятельства, мы с Кейт неохотно решили не обременять Елизавету разговорами о нашем браке. В дни, оставшиеся до отъезда, принцесса неизменно сохраняла на лице уверенную улыбку, однако я знал, что она с тревогой ждет новой встречи со старшей сестрой, которую не видела много лет. Дело было не только в семнадцати годах разницы в возрасте, разделявших их. В то время как Елизавета воспитывалась в протестантской вере — вследствие разрыва с Римом ее отца, короля Генриха, — Мария осталась преданной католичкой, и это обстоятельство едва не погубило ее в последние дни правления их брата, короля Эдуарда.

Мне, как никому другому, было известно, каким опасностям подвергались тогда обе принцессы. Против Марии, так же как и против Елизаветы, злоумышлял Джон Дадли, герцог Нортумберленд, который правил именем Эдуарда. Юный король еще пребывал на смертном ложе, а Нортумберленд уже задумал заточить обеих сестер и возвести на трон своего

младшего сына Гилфорда и невестку Джейн Грей. Он мог бы и преуспеть, если бы я, оказавшись случайно в самой гуще интриг, не стал помимо воли одним из творцов его поражения. Именно тогда я встретил Кейт и стал служить Елизавете; теперь же, когда Нортумберленд мертв, пятеро его сыновей заключены в темницу, а вся Англия празднует восхождение Марии на трон, у Елизаветы не остается иного выхода, как только явиться на зов сестры... хотя, к моему немалому беспокойству, она настояла на том, чтобы вернуться ко двору без нас.

– Нет, друзья мои, – сказала принцесса, – в такое время мне неуместно появляться при дворе со свитой. Я посещу коронацию, как подобает верноподданной особе, и вернусь сюда, не успеете вы и глазом моргнуть. Не думаю, чтобы Мария захотела оставить меня при себе. Она и так получила все, чего желала. Я была бы ей только обузой.

Елизавета выбрала в спутницы только Бланш Парри, свою доверенную фрейлину. Мне это не понравилось. В вечер перед отъездом я опять тщетно просил Елизавету взять нас с собой, в который раз твердя, как я страшусь за ее безопасность в клоаке дворцовых интриг.

Принцесса рассмеялась:

– Не забудь, что я и сама, сколько помню себя, дышала испарениями этой клоаки! Уж если я сумела пережить интриги Нортумберленда, то теперь и подавно опасаться нечего. Впрочем, даю тебе слово: если я вдруг почувствую потребность в защите, то в первую очередь пошлю именно за тобой.

Она покинула Хэтфилд, когда окрестности позолотила осень. С ее отъездом поместье погрузилось в тихие однообразные будни. Борясь с неизбывным беспокойством, я посвящал все свободное время занятиям, фехтовальным упражнениям, прочим повседневным заботам – и постепенно осознал, что Елизавета не то чтобы не хотела взять меня с собой, но на самом деле знала меня лучше, чем я сам, и действовала в моих интересах.

Истина состояла в том, что я еще не был готов вернуться ко двору. Я еще не окончательно исцелился.

Вспомнив сейчас об этом, я пожалел, что говорил в суровом тоне с Перегрином, который помог мне столько пережить. Обвив рукой талию Кейт, я сделал знак пареньку и сказал:

– Поди сюда.

Перегрин бочком приблизился ко мне. Он стал моей верной тенью, повсюду следуя за мной по пятам – «как восторженный щенок», заметила однажды Кейт, – и сейчас обожание явственно читалось в его широко раскрытых глазах.

– Мне бы стоило отправить тебя чистить отстойник или дать иное столь же неаппетитное поручение, – ворчливо заметил я. – Неужели ты до сих пор не понял, что женщинам нельзя доверять?

Кейт ошутимо ткнула меня пальцем между ребер.

– Да, – сказал Перегрин. – То есть нет.

– Вот как? – вскинул я брови. – И что же в итоге – «да» или «нет»?

– Ты невозможен! – рассмеялась Кейт. – Оставь парнишку в покое. У него впереди вся жизнь, чтобы выучить назубок все уловки слабого пола.

С этими словами она отступила от меня и расстегнула сеточку для волос, выпустив на волю свои каштановые локоны. Я потрепал кудрявую макушку Перегрина.

– Я и впрямь бесчувственный зверь, – улыбнулся я пареньку. – Пожалуйста, прости меня.

Перегрин открыл было рот, чтобы ответить, но тут Кейт воскликнула: «Папа! Вот это неожиданность!» – и я застыл как вкопанный, потрясенно уставившись на вход в галерею.

К нам направлялся человек, которого я меньше всего ожидал увидеть, – щеголеватый, в черном плаще, с дорожной сумкой на плече. Когда он снял черную шляпу, обнажив лысеющую макушку, я подумал, что Уильям Сесил выглядит гораздо моложе своих тридцати трех лет и уж точно здоровее, чем во время последней нашей встречи. В рыжеватой бороде его не

было ни единого седого волоска, а загорелое, цвета бронзы, лицо служило верным знаком того, что этот человек немало времени провел на свежем воздухе, ухаживая за садом, трудясь на огородных грядках – или чем там еще занимался Уильям Сесил, когда не манипулировал чужими жизнями?

– Надеюсь, я не помешал? – проговорил он обычным своим вкрадчивым голосом. – Мистрис Эшли сказала, вы упражняетесь в фехтовании и я смогу найти вас здесь.

– Ты всегда мешаешь, – едва слышно пробормотал Перегрин, и я положил руку ему на плечо.

Сесил глянул на мальчика, и в его светло-голубых глазах вспыхнул веселый огонек; затем он повернулся к Кейт, которая явно волновалась, и это было вовсе на нее не похоже. Хотя она притворялась изумленной, у меня возникло отчетливое ощущение, что прибытие Сесила вовсе не стало для нее неожиданностью.

– Милая моя Кейт, – промолвил Сесил, обняв ее, – мы слишком долго не виделись. Леди Милдред, моя супруга, нешуточно беспокоилась, не захворала ли ты. Мы вздохнули с облегчением, когда получили твое письмо.

Письмо? Я пристально глянул на Кейт, заключившую Сесила в ответные объятия. Нет, конечно же, она имела полное право написать этому человеку. После смерти матери Кейт стала подопечной Сесила, жила под его кровом, Сесил и его жена растили и воспитывали ее. Отчего бы ей и в самом деле не послать письмо своему опекуну? Вот только мне Кейт об этом ни словом не обмолвилась, хотя прекрасно знала, как я отношусь к этому человеку. Ей, в отличие от меня, не довелось иметь дело с Сесилом в дни его службы личным секретарем Нортумберленда, когда он завлек меня шпионить за семейством Дадли. Кейт так и не узнала, что у ее драгоценного опекуна несколько лиц и ни одному из них нельзя безоговорочно доверять.

– Мне жаль, что я так обеспокоила вас и леди Милдред, – говорила теперь Кейт. – Я хотела навестить вас, но...

Повернувшись ко мне, она взяла обеими руками мою руку. Сесил глянул на наши сплетенные пальцы с видимым безразличием, хотя наверняка понял, что означает этот жест.

– Просто время бежит так незаметно. Ведь правда, Брендан? – Кейт улыбнулась мне. – С недавних пор все кажется, что в сутках недостаточно часов. Здесь, в поместье, всегда столько дел!

– Могу представить, – сказал Сесил. – Отнюдь не желал бы взвалить на вас новые хлопоты, хотя и надеялся остаться на ужин. Я привез мясной пирог и горшочек меду. Отдал все мистрис Эшли. – Сесил одарил Кейт сердечной улыбкой. – Я не забыл, как ты еще девчушкой любила мед с нашей пасеки.

– О, как это мило! Я тотчас займусь ужином.

С этими словами Кейт опять глянула на меня, и я похолодел. Мне потребовались все силы, чтобы сухо проговорить:

– Безусловно. Можно ли отказать?

Взгляд Сесила встретился с моим. От него не укрылся тайный смысл моих слов. Я уже понял, что причиной его визита послужило не только беспокойство о здоровье Кейт.

– С вашего разрешения... – бросил я Сесилу и отвел Кейт на несколько шагов, представив Перегрину в одиночку сверлить нашего гостя недружелюбным взглядом.

– Что это значит? – спросил я тихим звенящим голосом. – Зачем он здесь? И почему ты ни словом не обмолвилась о его приезде?

– Просто выслушай его, – ответила Кейт. – Это важно.

Я оцепенел.

– Так дело в...

– Да. – Она приложила палец к моим губам, упреждая гневную вспышку. – Можешь после мне попечать, но сейчас я оставляю вас вдвоем, а сама займусь ужином. Постарайся обойтись без рукоприкладства, хорошо?

С этими словами Кейт, сияя улыбкой, развернулась и поманила к себе Перегрину. Плестясь вслед за ней к выходу, мальчик оглянулся и через плечо одарил Сесила свирепым взглядом.

– Судя по твоему лицу и по поведению твоего юного друга, я для вас не слишком желанный гость, – заметил тот.

– Я вижу, вам по-прежнему в проницательности не откажешь. Что вам нужно?

Сесил улыбнулся, направляясь к диванчику у окна.

– Ты недурно выглядишь, – заметил он. – Прибавил в весе. Воздух Хэтфилда, похоже, идет тебе на пользу.

– Уж куда больше, чем воздух двора, – отозвался я.

Все мои силы уходили на то, чтобы сохранять бесстрастный вид. Сесил был выдающимся лицемером; он прекрасно знал, как задеть меня за живое. Я уже явственно ощущал, как он разбирает меня по косточкам, оценивает, насколько уединенная, размеренная жизнь в поместье преобразила бывшего неотесанного юнца, которого он когда-то завербовал шпионить за семейством Дадли.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнил я.

– Я приехал повидаться с тобой. – Сесил устроился на диванчике. – Кейт посылала письмо, но я написал ей первым. Я сообщил, что у меня есть важные известия. Она ответила, что мне следует явиться лично.

– Вы могли бы написать мне.

– Да, мог бы. Но стал бы ты отвечать?

– Смотря по обстоятельствам. – Я не сводил с него пристального взгляда. – И все-таки вы не ответили на мой вопрос.

К чести Сесила, он смутился.

– Поверь, не будь это дело чрезвычайной срочности, я нипочем не явился бы сюда. У меня нет ни малейшего желания причинять тебе новые неприятности.

– В самом деле? – отозвался я.

Пока мы смотрели в глаза друг другу – впервые с тех бурных событий, которые привели к нашей встрече, – я размышлял над тем, как странно, что два таких разных человека хранят друг о друге столь опасные тайны. Лишь я один знал, как беспощадно действовал Сесил, дабы уничтожить своего бывшего хозяина Нортумберленда и защитить Елизавету, и точно так же лишь Сесилу была известна тайна моего происхождения.

Я напрягся, когда Сесил сдвинул в сторону стопку книг, лежавших на диване у окна, и уселся на подушки. Он наугад взял в руки том, полистал.

– Вижу, помимо фехтования, ты принялся за изучение испанского и французского. Впечатляющее, я бы сказал, стремление. Можно подумать, что ты к чему-то готовишься.

Мне пришлось внутренне подобраться, чтобы выдержать напористый взгляд блеклоголубых глаз. Между мной и Сесилом произошло достаточно, чтобы осознать: рядом с этим человеком я всегда буду в невыгодном положении. Он прямо восседал на фоне оконной ниши, словно до сих пор принимал посетителей в своем лондонском особняке, излучая безмерную власть и влияние, которые, впрочем, редко демонстрировал на публике, – и дрожь пробрала меня, когда я подумал обо всем, на что способен мой собеседник.

Я стиснул зубы.

– Если вы забыли, напомню: теперь я служу принцессе Елизавете. Я больше не ваш осведомитель, так что переходите к сути. Что за срочное дело?

Сесил наклонил голову. Как обычно, его сдержанные манеры несколько не соответствовали чрезвычайности обстоятельств, которые, по всей видимости, вынудили его спешно мчаться в Хэтфилд. И все же его первая реплика застала меня врасплох.

– У тебя есть известия от ее высочества?

Я ощутил озноб, и вовсе не из-за промокшей от пота рубашки.

– В последнее время – никаких. Месяц назад или около того мы получили от нее коротенькое письмо, где она сообщала, что встретит крещенский сочельник при дворе. Мы заключили, что ее пригласила королева.

Сесил изогнул бровь.

– Да, она проведет крещенский сочельник при дворе, но не по приглашению. Мария приказала ей остаться. – Он помедлил. – Теперь ты готов меня выслушать?

Сесил запустил руку в дорожную сумку и извлек пачку бумаг.

– Вот донесения, которые я недавно получил от своего осведомителя. Я предположил, что, учитывая все обстоятельства, ты вряд ли поверишь мне на слово.

Я скрестил руки на груди, приняв нарочито безразличный вид и тщательно скрывая за ним тревогу.

– Елизавета в опасности, – сказал Сесил. – В смертельной опасности, судя по этим донесениям.

Помедлив немного, я взглянул в его глаза... и не нашел в них ни фальши, ни вероломства. Взгляд Сесила выражал искреннюю обеспокоенность. Впрочем, этот человек всегда мастерски скрывал свои истинные побуждения.

– В опасности? – повторил я вслух. – И у вас есть осведомитель при дворе, который сообщил вам об этом? Кто он?

Сесил покачал головой:

– Не знаю. – Он развязал кожаный шнур, которым были стянуты бумаги. – Эти донесения начали поступать мне около месяца тому назад. Все анонимны, все написаны одной рукой.

Сесил протянул мне донесение, и когда я взял его, прибавил:

– Это последнее. Прибыло с неделю назад. Бумага, как видишь, самая заурядная, шершавая, на какой написаны и другие донесения, – и, однако, я уверен, что автор этих строк служит при дворе. Сведения указывают на близость к событиям, которые он излагает. Обрати внимание, как написано: аккуратно, но без вычурных излишеств. Скорее всего, это чей-то секретарь или, быть может, нотариус.

Я пробежал глазами текст. Почерк неизвестного вдруг напомнил мне ровные строчки, часто виденные прежде в счетных книгах замка, – книгах, которые вел Арчи Шелтон, мажордом семейства Дадли. Шелтон наставлял меня, намереваясь сделать своим учеником. Он же впервые привез меня ко двору и оставил служить оруженосцем лорда Роберта Дадли, ввергнув тем самым в пучину смертельно опасных приключений.

Я отогнал непрошенные воспоминания.

– Не понимаю, – сказал я, поднимая взгляд на Сесила. – Здесь описано, как королева Мария принимала делегацию испанцев, которые привезли ей поздравления императора Карла Пятого по случаю коронации. Что в этом необычного? Одна монаршая особа поздравляет другую.

– Переверни страницу, – велел Сесил. – Переверни вверх ногами и поднеси к свету.

Я подошел к окну и прижал к стеклу исписанный лист. Пришлось напрячь зрение, но в конце концов я разглядел, как между чернильных строчек проступают иные – белые, прозрачные.

Внутри письма было скрыто иное послание.

Я сощурился.

– Ничего не могу разобрать. Слишком блекло.

– Особые чернила, которыми воспользовался автор письма, проявляются под действием лимонного сока, – пояснил Сесил. – Уловка довольно распространенная, и я должен со стыдом признать, что распознал ее не сразу. Тут явно действовал любитель. Вначале я решил, что кто-то хочет сыграть со мной дурную шутку, посылая донесения о внешне невинных событиях при дворе. Однако письма все прибывали, и в конце концов я заподозрил неладное. По счастью, леди Милдред всегда заготавливает сок лимонов из нашего сада.

Сесил взглянул мне в глаза.

– Я переписал для тебя весь текст вот на этот лист. Невидимое письмо гласит, что неофициально испанская делегация доставила королеве Марии тайное предложение Карла Пятого о браке с его сыном принцем Филиппом.

– Филипп? – вздрогнул я. – Наследный принц Испанский?

– Он самый. И император не просто монаршая особа. Он двоюродный родственник королевы, которого она всегда считала своим наперсником. Она доверяет его советам. Если Мария примет предложение сочетаться браком с его сыном, то одним из условий помолвки станет возвращение Англии в лоно католичества. На меньшее Карл Пятый не согласится. Точно так же очевидно, что сближение с Римом будет грозить смертельной опасностью всем протестантам этой страны, и прежде всего Елизавете.

Сесил взял листок, на который переписал для меня невидимые строчки из донесений анонима.

– Вот, читай. «Ее величество всецело полагается на советы имперского посланника Симона Ренара, который считает Елизавету внебрачным отпрыском и еретичкой, а само ее существование – угрозой королеве». – Сесил поднял взгляд на меня. – Все в том же духе, по две-три строчки на каждое донесение, но, взятые вместе, они создают совершенно ясную картину.

Сердце мое застучало чаще. Пускай Сесил и лжец, но, когда дело касается Елизаветы, на его слова можно положиться без оглядки. Елизавета была для него всем; в ней заключался смысл его существования, она стала звездой, которая вела его сквозь тернии опалы, поскольку гибель Нортумберленда означала падение самого Сесила: королева Мария удалила его от двора.

– Мне кажется, ее величество не из тех, кто легко поддается чужому влиянию, – сказал я.

– Да, в этом она похожа на своего отца: все решения принимает сама. Вместе с тем она дочь Екатерины Арагонской, испанской принцессы, а Симон Ренар представляет интересы Испании. Он уже много лет служит императору Карлу Пятому, и королева Мария считается с его мнением. Если Ренар заявит, что Елизавета представляет угрозу ее вере и ее желанию заключить брак с принцем Габсбургов, ничто не сможет более верно возбудить ее подозрения. Королева, в конце концов, чрезвычайно религиозна. Она искренне верит, что сам Господь привел ее на трон через все превратности судьбы. Елизавета исповедует протестантскую веру, а стало быть, прямо противостоит всему, чего Мария надеется достичь, в том числе возвращению Англии в лоно католицизма.

Я похолодел от тревоги.

– Вы хотите сказать, что Ренар добивается ареста принцессы?

– И казни, – кивнул Сесил. – Ничем иным это закончиться не может. Смерть Елизаветы освободит дорогу к трону для будущего отпрыска принца Филиппа и Марии. Наследник габсбургской крови, который станет править Англией и объединит нас с империей, тем самым заключив во враждебное кольцо французов, – заветная мечта Карла Пятого. Ренар искушенный чиновник и знает: тот, кто воплотит в жизнь эту мечту, возвысится вне всякой меры.

Я в ужасе воззрился на него.

– Но королева не причинит ей зла! Елизавета – ее сестра и... – Голос мой осекся, когда я увидел лицо Сесила. – Боже милостивый, вы думаете, у него есть против нее какие-то улики?

– Помимо обвинений, приватно нашептаных королеве на ушко? Нет, пока нет. Однако это не означает, что он не преминет их раздобыть. Можешь не сомневаться, Симон Ренар весьма опасный противник. Если уж он задался целью, то не успокоится, пока не добьется своего.

Стало отчетливо слышно, как за окном свистит, набирая силу, вечерний ветер. Я помолчал, собираясь с мыслями, и тихо спросил:

– Чего вы хотите от меня?

На губах Сесила появилась улыбка.

– А сам как думаешь? Чтобы ты отправился ко двору и остановил Ренара. Ты завоевал доверие королевы Марии, когда с риском для жизни помог ей раскрыть заговор Нортумберленда. Она встретит тебя благосклонно. Устройся к ней на службу – и сумеешь сразить Ренара его же оружием.

У меня вырвался сухой смешок.

– Вот так просто? Я вернусь ко двору, и королева тут же дарует мне стол, кров и должность при себе? – Я оборвал смех. – По-вашему, я круглый дурак?

– Отнюдь. Я полагаю, ты обладаешь способностями к таким занятиям, что, впрочем, и показали события недавнего прошлого. – Сесил мельком глянул на стопку книг, поверх которой лежали привезенные им донесения. – Я не верю, будто ты сможешь долго довольствоваться радостями сельской жизни, тем более если тебя ждет столь важное дело.

Проницательность Сесила уязвила меня сильнее, чем я был бы склонен признать. Мне не пришлось по вкусу, что этот человек знает обо мне то, чего не должен знать. Я не желал, чтобы он копался в моих сокровенных мыслях.

– В последний раз, когда вы предложили мне работу, я едва не погиб.

– Верно. – Сесил, не дрогнув, встретил мой прямой взгляд. – Шпион часто рискует жизнью. Тем не менее ты справился с делом, и притом весьма недурно, учитывая все обстоятельства. На сей раз ты, по крайней мере, будешь подготовлен и будешь знать, кто твой противник. Кроме того, ты вернешься ко двору под псевдонимом, который я дал тебе, когда ты впервые повстречался с Марией. Тебя будут звать Дэниел Бичем, а уж возвращение этого человека вряд ли вызовет особый интерес.

Он поднялся с диванчика, оставив донесения лежать поверх моих книг.

– Незачем давать ответ прямо сейчас. Почитай послания и реши, можешь ли позволить себе не принять во внимание то, что там написано.

Я не хотел ничего читать. Даже думать обо всем этом не хотел. И тем не менее Сесил уже подцепил меня на крючок. Он пробудил во мне то, от чего я не мог отмахнуться, – неутолимое беспокойство, которое преследовало меня с тех самых пор, как я покинул двор и укрылся в этой тихой гавани.

Сесил понимал это. Ему была знакома невыносимая жажда действия, поскольку он сам испытывал ее.

– Мне нужно будет поговорить с Кейт... – Я осекся, увидев его нетерпеливую гримасу. – Она уже знает? Она знает, что вы хотите послать меня ко двору?

– Она не глупа и к тому же любит тебя – судя по всему, довольно сильно. И в то же время понимает, что в делах подобного рода время зачастую – единственная роскошь, которая нам не по карману.

Я стиснул зубы. Я вспомнил, с каким воодушевлением Кейт уговаривала меня заняться фехтованием, как упорно стремилась довести мои навыки до совершенства. Она, должно

быть, подозревала, что настанет день, когда мне придется возвратиться ко двору, чтобы защитить Елизавету.

– Мне надо бы умыться перед ужином, – сказал Сесил. – Полагаю, когда прочтешь все это, у тебя возникнут новые вопросы. Я могу остаться на ночь, но завтра должен буду вернуться в поместье.

– Я еще ни на что не согласился.

– Пока нет, – отозвался он, – но обязательно согласишься.

Глава 2

Серое небо за окном сливалось с белесым однообразием зимнего ландшафта, размывая границу между воздухом и землей. Глядя на лес, на нагие деревья, которые раскачивал сдобренный снегом ветер, я чувствовал, как Хэтфилд, эта тихая гавань, давшая мне приют, постепенно, но неотвратимо отдаляется, тает, словно краткий прекрасный сон.

«Ты и я – вместе мы можем провести ее по пути, предначертанном судьбой. Но вначале нам нужно уберечь ее...»

Я повернулся к дивану и взял в руки донесения. Всего их было шесть, и хотя я старательно прижимал каждый лист к стеклу, в угасающем предвечернем свете было трудно – а порой практически невозможно – разобрать, что написано между чернильных строчек. Тем не менее сжатая копия, сделанная рукой Сесила, подтверждала все то, что он мне говорил: испанский посланник Симон Ренар заронил в душу королевы сомнения в безусловной преданности Елизаветы, воспользовался протестантской верой принцессы, дабы очернить ее репутацию, и обвинил ее в неких действиях, достаточно опасных, чтобы требовать ее ареста. Что это были за действия, осведомитель Сесила не говорил, возможно, потому, что попросту не знал этого. В тексте на разные лады упоминалось имя некоего Эдварда Кортни, графа Девона, аристократа, который, судя по всему, сдружился с принцессой. Я мысленно сделал пометку расспросить Сесила об этом Кортни.

Я и не представлял, сколько времени провел за чтением, покуда скрип половиц не возвестил о приближении знакомых шагов Кейт. Подняв голову, я обнаружил, что в галерее стало значительно темнее. Кейт в скромном синем платье остановилась передо мной. Окинув взглядом разбросанные вокруг бумаги, она негромко проговорила:

– Ужин почти готов.

– Ты все знала, – сказал я.

– Да, – вздохнула Кейт. – Сесил написал мне, что у него есть крайне важные вести касательно ее высочества. Он не стал вдаваться в подробности, просто утверждал, что должен поговорить с тобой. Что мне оставалось делать?

– Ты могла бы рассказать мне.

– Я и хотела, но он объявил, что желает показать тебе кое-что при личной встрече. – С этими словами Кейт снова глянула на разбросанные бумаги. – Дело, похоже, серьезное.

– Так и есть, – подтвердил я и рассказал ей о донесениях, а также о том, что извлек из них Сесил.

Когда я закончил, Кейт облизала губы.

– Храни нас Боже, опасность следует за ней по пятам, словно ведьмино проклятие! – Она шумно, с видимой тревогой выдохнула. – Я страшилась этого дня и вопреки всему тешила себя надеждой, что он никогда не наступит.

Я поднялся и взял ее руки в свои. Руки у Кейт были сильные, загоревшие от трудов в ее бесценном травяном садике, ногти коротко острижены, и кое-где под ними виднелись следы грязи. Сердце мое вдруг болезненно сжалось при мысли о том, что мне предстоит с ней расстаться.

– Если эти донесения правдивы, она нуждается во мне, – сказал я. – Одного не пойму: почему она сама нам не написала? Уж верно сейчас она должна понимать, что ей грозит опасность.

– Если так, то ничего удивительного, что она нам не написала, – промолвила Кейт.

Я взглянул на нее, недоуменно нахмурясь.

– Это случилось еще до того, как я начала ей служить, – когда ей сравнялось шестнадцать. Она оказалась замешана в изменническом заговоре, который устроил дядя ее брата

Эдуарда, адмирал Сеймур. Заговор был раскрыт, адмирала обезглавили. Елизавета подверглась допросам с пристрастием, а нашу дорогую мистрис Эшли поместили на некоторое время в Тауэр. Поведав мне обо всем этом, Елизавета сказала, что то было самое страшное время в ее жизни. Она поклялась, что никогда более намеренно не подвергнет опасности никого из своих слуг. Она не написала потому, что хотела уберечь тебя. Ты, наверное, сочтешь меня эгоисткой, но я хочу того же самого.

– Если б ты и впрямь этого хотела, то сожгла бы письмо Сесила и заперла дверь на засов.

– Признаю себя виновной. – Кейт опять вздохнула. – Когда ты должен ехать?

– Скоро, – негромко ответил я. – После ужина мне нужно будет еще раз поговорить с Сесилом, но я полагаю, что он потребует отправиться как можно скорее. Он сказал, что время – это единственная роскошь, которая нам не по карману.

– Он умеет обращаться со словами. – Кейт слабо улыбнулась. – Впрочем, если ты уезжаешь, думаю, настала пора сделать кое-что важное и для меня.

То, что так и осталось несказанным, в этот миг встрепенулось и подступило к нам. Кейт запустила руку за корсаж и извлекла кожаный шнурок, к которому был подвешен обломанный золотой лепесток артишока, украшенный крохотным ограненным рубином.

– Ты расскажешь мне, что это такое?

У меня пересохло во рту.

– Я... я уже говорил, помнишь? Это залог обручения, знак моей любви к тебе.

– Да, но что он означает? Я знаю, что ты получил этот листок в те ужасные дни, когда мы спасали принцессу от семейства Дадли. Тебе дала его мистрис Элис, женщина, которая вырастила тебя. Почему? Каково значение этой безделушки? – Кейт запнулась, понизила голос, лишь сейчас осознав, что я не произнес ни слова. – Она связана с твоим прошлым? Сесил тоже это знает. Если можешь доверить свою тайну ему, отчего же не довериться мне?

Она потянулась ко мне, нежно провела ладонью по щеке. Золотой лепесток покачивался на ее груди.

– Что бы это ни было, обещаю: я никогда тебя не выдам! Скорее умру. Однако же, если ты должен вернуться ко двору, подвергнуть свою жизнь бог весть каким опасностям – не думай, что можешь уехать, оставив меня одну с этой тайной! Я должна знать правду.

Мне никак не удавалось вдохнуть побольше воздуха. Я глядел в глаза Кейт, такие непреклонные, такие решительные, глядел – и изнемогал под бременем своей тайны, которую свято поклялся не открывать ни единой живой душе.

– Ты сама не понимаешь, о чем просишь, – произнес я тихо, – но я и вправду доверяю тебе, доверяю всецело.

С этими словами я подвел Кейт к диванчику у окна.

– Ты должна поклясться, что никому не расскажешь об этом, – я взял ее руку в свои, – и в особенности Елизавете. Нельзя, чтоб она узнала то, о чем я расскажу.

– Брендан, я ведь уже пообещала, что никогда не предаю твое доверие...

Я сильнее стиснул ее руку:

– Просто поклянись, Кейт. Умоляю, ради меня.

– Да, – прошептала она. – Я никому не расскажу. Клянусь.

Я кивнул:

– Я ничего не говорил Сесилу об этом листке. Единственный, кроме нас, человек, которому известно о его существовании, – Арчи Шелтон.

– Шелтон? Мажордом Дадли, который привез тебя ко двору? Он знает?

– Знал. Его нет в живых. Скорее всего. Вряд ли он пережил ту ночь, когда мы застряли в Тауэре после того, как Лондон принял сторону Марии. Вокруг царил хаос. Ворота захлопнулись перед самым нашим носом. Сторонники Нортумберленда дрались друг с другом,

пытаясь выбраться наружу. Я видел, как Шелтон исчез, затоптанный толпой. Он мертв, и тайна лепестка умерла вместе с ним. Сесил знает, кто я такой, но не знает, что у меня есть доказательство моего происхождения.

Я смолк, охваченный нерешительностью. И снова увидел себя беззащитным ребенком, который бежит со всех ног, пытаясь укрыться от безжалостных отпрысков Дадли, а те улюлюкают и кричат, что я – безродный найденыш. Я вспомнил, как милая мистрис Элис обмывала мои синяки и ушибы, приговаривая шепотом, что я особенный, не такой, как все. Эта особенность дала начало цепи разрушительных событий, и когда я подумал обо всем, что случилось со мной с тех пор, обо всем, что я обнаружил, мне стало ясно, что больше я не могу хранить все это в себе. Мне нужно было разделить с кем-то чудовищную ношу.

Понизив голос, я рассказал Кейт всю свою историю с того дня, когда еще младенцем был привезен в дом Дадли и рос там, обреченный стать слугой, всеми презираемым и никому не нужным, и до того момента, когда меня вызвали служить лорду Роберту, самому опасному из всего выводка Дадли.

– Приехав в замок, чтобы сопроводить меня ко двору, Шелтон предостерег, чтобы я делал все, как мне велют, был верным слугой и всегда оставался предан семейству, которое меня поит и кормит. И прибавил, что моя преданность непременно будет вознаграждена. Вот только потом я повстречался с Елизаветой. Затем Сесил нанял меня шпионить за лордом Робертом и помогать Елизавете – и все изменилось. Я раскрыл тайну своего рождения. Двадцать один год я прожил в убеждении, что я никто и ничто, и тут обнаружил, что в жилах моих течет королевская кровь.

Я смолк ненадолго и, когда Кейт изумленно ахнула, с запинкой добавил:

– Моей матерью была Мария Саффолк, тетя Елизаветы. Я – Тюдор.

Впервые я произнес эти слова вслух и увидел воочию, какое воздействие произвело мое признание на Кейт. Она подняла дрожащую руку к груди, осторожно коснулась золотого листка.

– Но как... как же Шелтон узнал об этом? – наконец пробормотала она. – Каким образом связан с твоей тайной этот листок?

Я вскочил с дивана, не в силах больше усидеть на месте.

– Шелтон привез его мистрис Элис. Задолго до того, как поступить на службу к Дадли, он служил в доме Саффолков. Лепесток – часть более крупного украшения, которое было разломано после смерти моей матери. Она завещала золотые листки тем, кто, как она полагала, был достоин ее доверия. Однако мистрис Элис уже бежала со мной в замок Дадли и во всеуслышание объявила, что я – найденыш. Шелтон, должно быть, искал ее много лет. И когда нашел, мистрис Элис сообщила ему, кто я такой.

– Но почему она рассказала правду именно Шелтону?

Я принудил себя пожать плечами, хотя вопрос Кейт уязвил меня в самое сердце.

– Моя мать скрывала беременность от всех, кроме Элис. Когда мать умерла, Элис забрала меня и укрыла от всех. Полагаю, она поступила так, чтобы защитить меня и мою мать, сохранить в тайне, что принцесса из рода Тюдор произвела на свет бастарда.

– Боже милостивый! И ты знал об этом, все это время знал – и не сказал ни слова!

– Кейт, у меня не было выбора. Неужели не понимаешь? Пускай этот листок доказывает мое высокое происхождение, но открывать правду было бы чересчур опасно для всех нас. Бастардов в расчет не берут, но если бы кто-то решил, что я законный отпрыск...

Я содрогнулся и отвернулся от нее.

– Думаешь, Шелтону было известно, кто твой отец? – негромко спросила Кейт.

– Если и так, то я об этом уже никогда не узнаю. – Я кашлянул, прочищая горло. – Видит Бог, я не хотел такой участи. Если б я только мог, я бы все оставил как было. Лучше быть безродным найденышем, чем таким вот... выродком.

– Ты не выродок.

Я услышал, как зашуршали юбки Кейт, когда она встала с дивана. Я почувствовал, как ее рука легла на мое плечо. Отчаяние накрыло меня с головой.

– Я не прошу тебя разделить со мной это бремя, – прошептал я. – Слишком уж оно велико. Если у нас будут дети, они никогда не смогут назвать род отца. Даже само мое имя – фальшь. Оно ровным счетом ничего не означает.

– Уж позволь мне самой решать, что я в силах и что не в силах выдержать. Брендан, погляди на меня.

Я повернулся и оказался лицом к лицу с Кейт.

– Чтобы я больше никогда от тебя такого не слышала! – сказала она. – Ты – мужчина, которого я избрала, чтобы прожить вместе до конца своих дней. Ты сильный, добрый и честный. Ты именно такой отец, какой нужен всякому ребенку.

Жгучие слезы навернулись мне на глаза. Я привлек Кейт к себе, крепко обнял ее, вдохнул ее лавандовый аромат, и меня охватило страстное желание. Я желал погрузить руки в ее волосы, высвободить их из сеточки, чтобы длинные пряди заструились, точно темный мед, по нашим плечам Кейт. Я желал снять с нее одежду, увидеть, как она выгнется под тяжестью моего тела, самозабвенно и истово принимая меня в свое лоно. Я хотел, чтобы никакие мрачные интриги и страхи моего прошлого, никакие опасности двора больше не касались этой женщины.

– Я люблю тебя, Кейт Стаффорд, – сказал я, – люблю всем сердцем. И мне нужно только одно – быть твоим, ныне и навеки. Если ты когда-нибудь найдешь повод усомниться во мне, просто вспомни эти слова.

Кейт поцеловала меня:

– И я люблю тебя, Брендан Прескотт... пускай даже ты слишком много скрываешь.

* * *

После ужина мы с Сесилом устроились у камина.

В мерцающем переплетении света и теней бледные глаза Сесила казались странно непроницаемы. Держа обеими руками кубок с нагретым сидром, он спросил:

– Ты исполнишь мою просьбу?

Вместо ответа я молча протянул ему стопку донесений, вновь перетянутую кожаным шнурком.

– Ни единого вопроса? – В голосе его промелькнуло едва уловимое удивление.

– Спрашивать-то особо и не о чем. Как вы и сказали, во всех донесениях подробно описываются события при дворе. С тем же успехом это могут быть записи в журнале какого-нибудь церемониймейстера или клерка; никаких вопросов они не вызывают, во всяком случае на первый взгляд. И все же там есть одна подробность – помимо секретных строчек, само собой, – которая привлекла мое внимание.

Я намеренно сделал паузу, исподволь наблюдая за Сесилом. Он был вполне способен не упомянуть о какой-нибудь действительно важной детали. Такое водилось за ним и прежде. Мне не хотелось думать, что Сесил может, как обычно, вести двойную игру, – только не сейчас, не в этом деле. И все же одного этого было недостаточно, чтобы усыпить мою подозрительность. Я должен был знать наверняка.

– Продолжай. – Сесил отпил из кубка. – Я вижу на твоем лице сомнение. Тебе нужно больше работать над собой. При дворе все, кого ни возьми, мастера читать по лицам.

– Эдвард Кортни, – сказал я. – Граф Девон. Ваш осведомитель упоминает его несколько раз, неизменно в связи с принцессой. Почему?

Сесил улыбнулся:

– Ты и в самом деле прирожденный шпион.

– Вряд ли это можно считать доказательством моих талантов. Всякий, кто прочел бы все донесения, наверняка задал бы тот же вопрос. Так кто он такой?

– Последний из династии Плантагенетов. Старый король Генрих, который мог учуять врага и за сто шагов, еще мальчиком заключил Кортни в Тауэр. Кроме того, он обезглавил отца Кортни. Генрих заявил, дескать, причиной тому стал отказ этой семьи признать его главой церкви, но на самом деле его пугало право Кортни на английский трон. Одним из первых государственных решений, которые приняла Мария, взойдя на престол, стал приказ об освобождении Кортни. Также она даровала ему титул. Вообще королева ему явно благоволит.

– Так он ей союзник или противник?

Сесил поднял брови:

– Будучи столь долго лишен своих привилегий – или же привилегий, которые он почитает своими, – наш граф, полагаю я, независимо от благоволения королевы, лелеет какие-то собственные замыслы. И в самом деле, если верить слухам, его предлагали Марии в качестве принца-консорта, однако она отвергла его кандидатуру, объясняя отказ тем, что граф неопытен и слишком молод.

– Вы хотите сказать, что он может умышлять против брака королевы с Габсбургом?

Голос Сесила упал:

– Я хочу сказать, что он – одна из загадок, которые тебе предстоит разгадать.

Впервые за все время он позволил себе открыто подосадовать на то, что оказался в таком отдалении от интриг двора. В былое время он бы приставил к Кортни двух-трех агентов, чтобы те следили за каждым его шагом.

– Если Кортни и предпринимает какие-то шаги, то не публично. Не забудь, Мария еще не сделала официального объявления о намерении вступить в брак. Что бы там ни замышлял Кортни, он плетет свои замыслы в глубокой тайне.

– Но Ренар наверняка следит за ним...

Я стал было откидываться в кресле, когда увидел, что пальцы Сесила крепче стиснули кубок. Движение это было мимолетным, почти неуловимым, но в тот миг, когда я его заметил, меня осенило.

– Господи! – прошептал я. – Вы опять проверяете меня. Вы посылаете меня ко двору, потому что боитесь, что подозрения Ренара касательно Елизаветы могут оказаться правдой.

Сесил резко выдохнул:

– Такая возможность приходила мне в голову. Я надеюсь, что ошибаюсь. Верней говоря, я молю Бога, чтобы я ошибался. Однако то, что имя Елизаветы связывают с именем Кортни, – отнюдь не добрый знак. Конечно же, это может ничего не значить. Их дружба может быть естественным итогом встречи двух значимых особ, которые вынужденно оказались при дворе. Разница в возрасте между ними не так уж и велика. Ему двадцать шесть, на шесть лет больше, чем ей. Их отношения вполне могут быть безукоризненно невинны.

– Или нет, – отозвался я.

И замолк в нерешительности, не сводя глаз с Сесила. Порой я забывал, что очень немногие из нас знают Елизавету так хорошо, как следовало бы. В том была часть ее обаяния: она могла внушить почти любому человеку, что он ее близкий и душевный друг, в то время как на самом деле ее истинная натура оставалась скрытой.

– Вы и вправду считаете, что она способна устроить заговор против собственной сестры? – осторожно спросил я.

– Когда дело касается Марии и Елизаветы, я ничему не удивляюсь, – сухо усмехнулся Сесил. – Трудно найти двух более непохожих друг на друга женщин, тем более сестер. Боюсь, сама судьба обрекла их стать смертными врагами. Позиции для грядущей битвы обозначены уже сейчас, в ту самую минуту, когда мы ведем этот разговор: с одной стороны

– Мария, исполненная решимости вырвать страну из когтей ереси и связать нас союзом с иноземной державой, а с другой стороны – Елизавета, ее наследница, последняя надежда на независимую страну, сохраненную в протестантской вере. Кто же из них победит?

Сесил заговорил быстрее и напористей:

– Если Елизавета замешана в заговоре Кортни, ее необходимо остановить, прежде чем положение станет необратимо. Подобно ей, я не желаю угодить в лапы Испании и инквизиции, но в отличие от нее я давным-давно избавился от импульсивности, свойственной молодым. Елизавета никак не поймет, что Марии скоро исполнится сорок. Даже если принц Филипп сумеет ее обрюхатить, она, скорее всего, не доносит ребенка до родов. В отсутствие кровного наследника Елизавета получит корону. Ты и я – вместе мы можем провести принцессу по пути, предначертанному ей судьбой. Но вначале нам нужно уберечь ее.

Отзвук последних слов стих, и стало отчетливо слышно, как в камине потрескивает огонь. Неотрывно глядя на языки пламени, я мысленно взвешивал и оценивал беспокойство Сесила.

– Что же, – тихо сказал я наконец, – так тому и быть. Я отправлюсь ко двору.

Сесил разом обмяк. За маской невозмутимости обнаружилась безмерная усталость, скрытая дань, которую взяли с него годы неустанных трудов на арене власти, сотен принятых и полученных взяток, сплетенных заговоров и интриг.

– Спасибо, – проговорил он. – В тот день, когда она взойдет на трон – да поможет Бог, чтобы это случилось раньше, а не позже, – обещаю, ты будешь щедро вознагражден за службу.

Я встал:

– Не спешите ничего обещать. Я сказал, что отправлюсь ко двору, чтобы ей помочь, однако на собственных условиях, понятно? Если вы помышляете пустить за мной по пятам кого-нибудь из своих лондонских агентов, лучше отзовите их. Коли не сделаете этого и я обнаружу, что вы тем или иным образом пытаетесь меня обмануть, – пеняйте на себя.

Губы Сесила дрогнули:

– Думаю, мы понимаем друг друга.

С этими словами он сунул руку в лежавшую возле кресла дорожную сумку и достал оттуда небольшой кожаный кошелек.

– Это тебе на расходы.

– Я взялся за дело ради принцессы. Ваша плата мне не нужна.

Сесил положил кошелек на мое кресло:

– В таком случае считай, что я даю тебе в долг.

Он поднялся с диванчика, и я испытал глубокое удовлетворение. Наконец-то мне удалось взять верх над Сесилом.

Мой собеседник направился к двери, и я спросил вслед:

– А что этот ваш осведомитель? Мне попробовать его разыскать?

– Ни в коем случае! Если он захочет, чтобы его разыскали, он даст нам знать.

* * *

В последующие дни шел снег – мелкий невесомый снежок, который к середине дня бесследно таял, но после него в воздухе веяло зимним холодом. Мы трудились с рассвета и до темна, завершая разные хозяйственные дела: готовили скот и поля к зиме, набивали припасами кладовые и погреба, обрезали плодовые деревья, укрывали грядки с травами и другими нежными растениями, дабы уберечь их от ночных заморозков.

Я написал Сесилу и получил в ответ подробные наставления. Пока я готовился к путешествию, мы с Кейт прилагали все силы, лишь бы не усугублять муки неизбежного рас-

ставания. Она накупила сукна, чтобы отправить меня ко двору в новой одежде, и шила по вечерам у камина, пока я раз за разом перечитывал составленную Сесилом копию тайных посланий, стремясь отыскать в уже знакомых строках зацепки, которые, может быть, упустил раньше. Тягостное напряжение, охватившее нас, становилось все сильнее, и в конце концов о нем заговорила вслух даже мистрис – утром того самого дня, когда я укладывал вещи, готовый тронуться в путь.

Эта дородная дама, которая много лет вела домашнее хозяйство Елизаветы, стала неотъемлемой частью и моей жизни. Бодрая, деятельная и всецело поглощенная заботами о благосостоянии принцессы, Кэт Эшли обладала безграничным жизнелюбием и способностью устраивать так, чтобы рядом с ней всякий чувствовал себя как дома. Я знал, что она отнюдь не пришла в восторг, когда Елизавета отказалась взять ее с собой в Лондон; между ними, по обыкновению, состоялась ссора, и Эш Кэт, как прозвала свою экономку Елизавета, ломала руки, глядя вслед уезжающей принцессе.

– Добра теперь не жди, – заявила тогда мистрис Эшли. – Хоть и сестры, а лучше им и в одном городе не жить, не то что под одним кровом. А ведь я говорила ей не ездить, сказаться больной, да куда там, разве она меня послушает! И вот, глядите-ка, скачет напрямик в пасть волку.

Сейчас мистрис Эшли бурей ворвалась в мою комнату и громогласно заявила:

– Привезешь ее домой – и все, понятно? Никаких больше опасных выходов, запертых комнат и купаний в Темзе! Соберешь ее вещи и вернешься с ней сюда, в Хэтфилд, потому что здесь ее дом!

Видимо, Кейт прошлым вечером, после того, как я ушел спать, поделилась с экономкой кое-какими тайнами.

– Именно за тем я и еду, – подтвердил я и прибавил с горькой усмешкой: – Если только Елизавета позволит себя уговорить.

Кэт Эшли фыркнула:

– А ведь я предупреждала, что служить ей – не конфетки кушать! Она больше требует, чем дает взамен, да и благодарности от нее редко дождешься. Надеюсь, ты знаешь, на что идешь. Она терпеть не может, когда ей указывают, что делать, но еще больше ненавидит, когда говорят, чего делать нельзя.

– Знаю.

Я застегнул сумку и поднял ее, взвешивая на руке.

На деньги Сесила я обзавелся парой новых камзолов, несколькими сменами чулок и башмаков, в которых не стыдно появиться при дворе, и все это добро весило немало. Я не хотел нагружать сверх меры своего Шафрана. Верхом до Лондона полный день пути, а если погода ухудшится, то, вероятно, и больше.

Мистрис Эшли сунула руку в карман фартука и извлекла перетянутый бечевкой сверток в промасленной бумаге.

– В дорогу, – пояснила она.

Я принял сверток с благодарностью, зная, что внутри окажется ломоть недавно завяленной оленины, добрый кусок сыра и свежее выпеченный хлеб. Затем экономка ткнула мне в ладонь кошелем, и я сразу понял, что он битком набит монетами.

– Для такого вот случая и сберегала. Там отрежешь поменьше мяса, тут продашь лишний кусочек масла – так и наберется.

Я стал было объяснять, что у меня есть деньги, которые дал Сесил, но мистрис Эшли оборвала меня, вскинув руку:

– А я говорю, бери. Не считать же тебе при дворе каждый грош, особенно если хочешь прийтись по нраву королеве.

Взгляд ее проницательных глаз встретился с моим.

– Кейт места себе не находит, – сказала экономка, и я оцепенел. – Вслух она, конечно, слова не проронит, понимает, что ты выполняешь свой долг, но ей страшно, что теперь и ты едешь напрямик навстречу опасности.

– Да, знаю, – негромко ответил я, – но ведь при дворе никому не известно, кто таков этот Дэниел Бичем.

Произнеся вслух ложное имя, я потрогал подбородок. Густо отросшую золотисто-рыжую бородку я подровнял по линии челюсти и оставил модный завиток в виде запятой под подбородком. С бородой и длинными волосами я и сам-то едва себя узнавал. Будет ли этого достаточно? Смогу ли я вернуться ко двору, никому не напомнив неотесанного оруженосца, который разрушил замыслы Нортумберленда?

– Совсем не похож, – заверила мистрис Эшли, словно прочтя мои мысли, и обхватила ладонями мое лицо. – Кейт без тебя не может. Хоть она и останется здесь, но сердцем будет с тобой. Как и все мы. Нам ведь только одного и надо – чтобы ты и ее высочество вернулись в целости и сохранности.

К горлу подкатил тугой комок.

– Недурно же вы меня подбодрили, – пробормотал я.

– А я и не собиралась тебя подбадривать.

С этими словами мистрис Эшли похлопала меня по щеке. Я обнял ее и на миг позабыл обо всем, с головой погрузившись в ее запах – свежий запах трав, льняного масла и всех простых вещей, которые составляют основу бытия.

– Ну вот еще, – пробормотала она, отстраняясь. – Хватит. Ступай, уже поздно, а у тебя впереди долгий путь. Да и парнишка волнуется, ждет тебя не дождется.

– Парнишка? – вздрогнул я.

Мистрис Эшли улыбнулась.

– А ты думал, мы и впрямь отпустим тебя одного? Перегрин поедет с тобой. – Она погрозила пальцем, на полуслове оборвав мои возражения. – Он бы так и так не остался. Сам знаешь: едва ты вышел бы за порог, он бы со всех ног помчался следом.

Глава 3

Когда мы спустились во двор, я увидел Перегрину. Держа в поводу своего коня, он кутался в плащ, густые кудри его были упрятаны под шерстяную шапочку. Мистрис Эшли была права: вздумай я оставить мальчишку в Хэтфилде, у меня ничегошеньки бы не вышло. Мне отчаянно не хотелось вновь подвергать его опасностям двора, но Перегрин всегда служил мне на совесть. Он даже спас мне жизнь, причем дважды, как он любил напоминать. Я не мог бы найти более преданного спутника.

Кейт, осматривавшая сбрую Шафрана, обернулась.

– Ну как, готовы? – спросила она с наигранной бодростью.

– Я – да, а вот он еще не готов, – ответил я, указав на Перегрину.

Тот открыл было рот, но я не дал ему возразить.

– Ты всегда будешь делать только то, что я велю. Никаких вопросов. Никаких домыслов и возражений. Ты будешь моим оруженосцем, а оруженосец должен быть всегда под рукой и всегда готов исполнить приказ хозяина. Я не желаю гадать, в какую передрагу ты соизволил угодить. Понятно?

– Да, хозяин, – негодуя буркнул он.

Кейт поправила на мне плащ.

– Береги себя, – сказала она, голос ее дрогнул.

– Кейт... – Я потянулся к ней.

Она быстро отступила:

– Нет. Никаких прощаний.

Я неотрывно смотрел ей в глаза.

– Даю слово, я при первой же возможности пошлю тебе весточку.

– Не надо.

Кейт вложила в эти два слова все, о чем мы не осмеливались говорить вслух, в том числе и то, что я мог выдать себя, едва взявшись за перо.

– Просто возвращайся, – прибавила она и, протиснувшись мимо мистрис Эшли, скрылась в арочном проеме, который вел в дом.

Я рванулся было следом, но мистрис Эшли остановила меня:

– Оставь ее. Уж я за ней присмотрю. Лучше поезжай, пока она не передумала и не велела седлать свою лошадку.

Я вернулся к Шафрану. Конь фыркал, ему не терпелось тронуться в путь. Запрыгнув на подставку, Перегрин вскарабкался на спину серого в яблоках мерина.

Мы выехали на дорогу. Оглянувшись, я увидел мистрис Эшли, одиноко стоявшую перед домом из красного кирпича. Цепкий плющ взбирался по стенам, обретая бурый оттенок в тех местах, где его побеги оплетали окна. Мистрис Эшли прощально подняла руку. Я все глядел назад, покуда и она, и Хэтфилд не скрылись из виду.

Кейт я так и не увидел, но знал, что она стоит за одним из окон и неотрывно смотрит мне вслед.

* * *

Было свежо и зябко, солнце размытым пятном проступало в белесой пелене неба. Покинув границы поместья, мы перешли на галоп – лошадям не терпелось размяться. У меня не было ни малейшего желания нарушать тишину пустопорожними разговорами. Перегрин, почуяв мое настроение, тоже помалкивал – по крайней мере, до тех пор, пока мы не остановились пообедать. Пока я нарезал сыр, оленину и хлеб, он наконец решился задать вопрос,

которым, вне всяких сомнений, мучился еще с визита Сесила. Стремясь вызнать цель нашей поездки, Перегрин, по обыкновению, подслушивал все, что только мог.

– Принцесса в опасности? – спросил он, набивая рот хлебом.

Перегрин отличался знатным аппетитом, но при этом оставался худ как щепка. Глядя, как он ест, я всякий раз невольно думал о том, сколько довелось ему голодать за его недолгую жизнь.

– Жуй хорошенько. Да, вероятно, она в опасности. А может быть, и нет. Я пока не знаю. Именно затем я и еду ко двору, чтобы это выяснить.

На лице Перегрина отразилось сомнение:

– Но... я слышал, как Кейт разговаривала с мистрис Эшли. Кейт сказала, что имперский посланник добивается, чтобы принцессу арестовали за государственную измену.

– Ах, ты слышал? Большие уши когда-нибудь доведут тебя до беды. Ты уже забыл, что я тебе сказал?

– Никаких домыслов, – вздохнул мальчишка.

– Именно. Я не шучу, Перегрин. Это не игра.

– А кто сказал, что игра? – явно оскорбился он. – Но если принцессе и вправду грозит опасность, можешь сказать мне об этом прямо сейчас. Должен же я знать, что творится вокруг?

– Нет, не должен. От тебя требуется одно: делать все, как я велю, а иначе, Богом клянусь, я отошлю тебя в Хэтфилд, и если понадобится – связанным по рукам и ногам.

– Хорошо, хозяин.

Перегрин цапнул последний ломтик оленины и запихнул его в рот.

– Скажи мне одно, – промямлил он, жуя, – только одно, и ничего больше.

– Ну?

– Скажи, что не собираешься снова свалиться в реку. Потому что Темза зимой иногда замерзает и спасать тебя будет нелегко...

Перегрин расхохотался, ловко увернувшись от моей карающей руки. Смех у него был замечательный, настоящий мальчишеский смех. Впервые с тех пор, как мы покинули Хэтфилд, я вдруг обнаружил, что улыбаюсь.

– Ты невозможен, – сказал я. – Поехали. Нужно попасть в город до темноты.

Мы продолжили путь. Людей на дороге было раз-два и обчелся; мы обогнали лишь одинокого крестьянина да компанию торговцев, толкавших тележки с товаром. Они брели, понутив головы, и настороженно ответили на наше приветствие. Вскоре, однако, заснеженные поля Хартфордшира сменились небольшими скоплениями хижин и деревушками – верный знак приближения к Лондону. На дороге стало болеелюдно; все торопились добраться до города до сигнала к гашению огней. Когда мы проезжали мимо крохотной каменной церквушки, где повсюду звонили колокола, я разглядел на шпилье распятие, криво, кое-как закрепленное известкой на прежнем месте. Женщины в наброшенных на голову платках цепко держали за руки дрожащих от холода детишек, поспешая на призывный звон церковных колоколов.

Перегрин во все глаза наблюдал эту сцену. Я искоса глянул на него:

– Ты исповедуешь старую веру?

– Я никогда особо не интересовался религией, – пожал он плечами. – И Господь, я думаю, тоже.

Меня поразило, как метко Перегрин, сам того не желая, выразил мое собственное мнение. Я тоже часто гадал, чем одна вера лучше другой, если помнить, сколько было пролито из-за них крови; однако предпочитал держать эти мысли при себе, поскольку вслух рассуждать о религии всегда было небезопасно.

Спустились сумерки, снег пошел гуще, усилился ветер. Шафран нетерпеливо фыркнул, и я похлопал его по шее. Я и сам устал, не говоря уж о том, что замерз. Руки в перчатках точно пристыли к поводьям, натертые о седло бедра и ягодицы ныли. Воображение рисовало обратную дорогу в Хэтфилд, где Кейт, должно быть, уже зажигает свечи, накрывая стол к ужину...

– А вот и Криплгейт, – прервал мои размышления Перегрин. – Отсюда можно будет выбраться на Стрэнд и доехать напрямик до дворца.

Я встряхнулся, возвращаясь к действительности, и мы принялись пробираться вперед в потоке людей, которые, теснясь и толкаясь, спешили попасть в город, прежде чем закроют на ночь городские ворота. Платя пошлину, я живо припомнил, как приехал в Лондон впервые. Тогда, с трепетом глаза на громадные стены и дальний изгиб Темзы, я понятия не имел, какое приключение ждет меня впереди. И сейчас, точно так же, как тогда, я холодел, замирая от неизвестности.

Повсюду здесь были люди: одни запирали лавки и, покончив с подвернувшимися в последнюю минуту делами, спешили по домам; другие, с нетерпением ожидая ночи, распахивали настежь двери чадных трактиров и шумных таверн. Уже рыскали в переулках потемнее потрепанные шлюхи с вызывающе размалеванными лицами, обходя стороной вездесущих попрошайек, грабителей и пронырливых карманников. Тощие собаки шныряли под ногами прохожих, копаясь в сточных канавах, по которым городские отходы стекали в реку. Бревенчатые дома высились, упираясь друг в друга, и верхние этажи смыкались в подобие зловонной галереи, откуда лондонцы опорожнялись прямо на улицу ночные горшки, обдавая неаппетитным дождем опрометчивых прохожих.

Вначале я не увидел особых изменений. Лондон казался таким же грязным и непредсказуемым, как в последние дни правления покойного короля Эдуарда. Однако пока мы пробирались к Кинг-стрит и дворцу, я стал замечать корявые надписи на стенах домов: «Смерть папистам!» и «Испанцы, убирайтесь вон!». Там и сям на мостовой валялись листовки, истоптанные до полной нечитаемости, но, вне сомнения, гласившие то же. Все походило на то, что лондонцы не в восторге от прибытия посольства Габсбургов.

Впереди возник Уайтхолл. Мы въехали во внутренний двор и спешили. Недовольные чиновники семенили мимо, плотно закутавшись в плащи и надвинув шапки на самые глаза. На нас никто не обращал внимания. Снег повалил гуще, укрывая плиты двора. Шафран зацокал копытами.

– Коней нужно поставить в конюшню и накормить, – сказал я.

Перегрин забрал обе пары поводьев. Я выдал ему две золотые монеты из кошелька, присланного Сесилом. В скупости его не обвинишь. Денег у меня было достаточно, чтобы устроиться со всеми удобствами, конечно, если здесь не задерживаться.

– Постой! – Я ухватил Перегрина за запястье. – Как ты меня найдешь?

Мальчишка презрительно фыркнул:

– Я ведь жил здесь, забыл? И уж будь уверен, в королевских покоях тебя не разместят.

– Ладно, только не мешкай. Позаботишься о конях – и сразу ко мне.

– Слушаюсь, хозяин!

Перегрин дурашливо взмахнул рукой, изображая примерный поклон, и повел коней прочь.

Вскинув дорожную сумку на плечо, я направился к ближайшему входу. Трое часовых с алебардами, закутанные по самые носы в плащи, преградили мне путь. Только после того, как я в очередной раз повторил, что хочу встретиться с лордом Рочестером, один из стражников соизволил пренебрежительно хмыкнуть:

– Ревизором ее величества? И зачем бы это неотесанной деревенщине понадобилось видеть такую важную персону?

– Скажите ему, будьте добры, что приехал мастер Бичем, – устало попросил я, надеясь, что Рочестер вспомнит мое вымышленное имя.

Я остался ждать, дрожа от холода, под колоннами. Прошел, казалось, не один час, прежде чем я услышал громыхающий возглас:

– Да чтоб мне лишиться жезла, если это не тот самый мастер Бичем, который спас всех нас от гибели!

Я обернулся – и узрел перед собой расплывшегося в улыбке лорда Рочестера.

В последний раз я видел его в Норфолке, размещавшем войска сторонников Марии, когда она готовилась сразиться с Нортумберлендом за английский трон. Тогда Рочестер был лишь плотно сложен, но сейчас заметно располнел; камзол из дорогого темно-красного бархата трещал на нем по всем швам, с мясистых плеч свисала тяжелая золотая цепь – знак высокой должности, обвисшие щеки покрывал багровый румянец, а дыхание отдавало жареным мясом и подогретым вином.

Рочестер потряс мою руку:

– Мастер Бичем! Кто бы мог подумать! Вот уж не предполагал снова увидеть вас! Посетив нас во Фрамлингеме, вы исчезли бесследно, точно призрак.

– Сожалею, что так вышло, сэр, – сдавленно улыбнулся я. – Меня призвали срочные дела.

Рочестер хохотнул:

– Еще бы, когда все приспешники Нортумберленда разбежались в поисках укрытия, едва голова герцога покатилась с плеч! Ну да неважно. Вы здесь, и я этому очень рад, как, безусловно, будет рада и ее величество.

С этими словами он провел меня мимо часовых во дворец. Мы шли по увешанному гобеленами коридору, и мои заочеченные руки и ноги ныли, постепенно отогреваясь в тепле.

– Сколько же прошло времени? Пять месяцев? Шесть? Столько событий произошло с тех пор! Вы, быть может, этого и не знаете, – Рочестер искоса глянул на меня, – но ее величество завоевала сердца всей страны. Это новая Англия, мистер Бичем, воистину новая Англия! Ох, до чего же она обрадуется, когда вас увидит! Обрадуется и вздохнет с облегчением. Она все гадала, что же с вами приключилось.

Эти слова меня ободрили. Было необходимо, чтобы королева встретила меня с радостью и приязнью.

Рочестер вдруг резко остановился:

– Только лучше не заговаривайте при ней о тех былых делах. Ее величество, вне сомнения, отблагодарит вас за услуги, но... кхм, – он неловко кашлянул, – думаю, не стоит ей обо всем этом напоминать. Она предпочла бы забыть, что едва не сотворили с ней Нортумберленд и его сыновья.

– Безусловно, я понимаю, что не стоит болтать лишнего.

– Уж кому, как не вам, это понимать! Так вы, стало быть, явились сюда в поисках работы? Смею утверждать, что вы ее найдете. Ее величество всегда нуждается в способных людях, а вы чрезвычайно способный человек.

Я мог лишь надеяться, что Мария сочтет так же. Расспрашивать о Елизавете я не посмел. И все же был один друг, о котором я давно уже ничего не знал, но хотел бы узнать.

– А Барнаби Фицпатрик здесь?

Рочестер помолчал, сдвинув брови, и вновь расплылся в улыбке:

– А, вы, верно, имеете в виду компаньона нашего покойного короля! Нет, он в Ирландии. Ее величество подтвердила его права на баронство Оссори. Он уехал пару месяцев назад.

Я ничего не сказал на это, припомнив, что Барнаби страшился восшествия Марии, рьяной католички, на престол. Судя по всему, он нашел способ устроиться подальше от ее владычества.

Мы вошли в галерею. В дальнем конце ее виднелись громадные двойные двери, осененные резным сводчатым проемом. Я уловил краем уха отдаленные звуки музыки, и сердце мое забилося чаще. За дверями находился огромный зал, Рочестер, однако, повел меня совсем не туда. Мы свернули в другую галерею, гораздо темнее первой, прошли узким коридором и начали подниматься по скрепленной скобами лестнице.

Рочестер пыхтел, расплачиваясь за избыточную дородность.

– Я поместил вас в комнате поменьше, из тех, что на втором этаже. Мы принимаем посольство Габсбургов, и здесь сейчас тесновато. После как-нибудь подберем для вас жилье поприличней.

Мы дошли до коридора с низким потолком. Справа и слева тянулись неброские двери. Я узнал и эту часть дворца: именно здесь жили Роберт Дадли и его братья, когда власть в стране была в руках их отца. Странно было вновь оказаться здесь, уже свободным человеком на службе у принцессы, когда всего лишь несколько месяцев назад я был оруженосцем Дадли и почти не надеялся изменить свою участь.

– Вы взяли с собой слуг? – спросил Рочестер, перебирая ключи, подвешенные на железном кольце, которое он, словно фокусник, извлек из кармана своих обширных штанов.

– Да, оруженосца. Он отправился разместить в конюшне наших лошадей.

– Что ж, отлично. В этой комнате как раз хватит места и для вас, и для вашего оруженосца.

С этими словами Рочестер повернул ключ в замке, и я напрягся. Неужели он и впрямь привел меня в ту самую комнату? С первого же взгляда стало ясно, что это не так. Хотя комната имела некоторое сходство с тем захламленным свинарником, в котором проживал выводок Дадли, она была гораздо меньше. Простая, без изысков кровать занимала ее почти целиком, на полу лежал камышовый коврик, стоял колченогий стул и потрепанный сундук, на котором красовались оловянный кувшин, кривой подсвечник и два деревянных кубка. Отхожее место заменялось ведром в углу. Неказистое, забранное толстым стеклом оконце, располагавшееся высоко в стене, наверняка пропускало немного дневного света. Светильники, заправленные жиром, источали тусклый свет.

– Роскошным это жилье не назовешь, но по крайней мере здесь чисто, – сказал Рочестер, – и не так сыро, как в комнатах нижнего этажа. В такое время года там запросто можно подхватить лихорадку.

– Комната как раз по мне, – объявил я, положив сумку на пол. – Я предпочитаю жить скромно.

– Да уж, скромности здесь хоть отбавляй. Вы, верно, голодны. В кухне найдутся остатки сегодняшнего ужина. Можете сходить за едой или послать оруженосца. Я позабочусь, чтоб его известили. Конюшни тоже переполнены, и ему, вполне вероятно, придется попотеть, чтобы заполучить свободные стойла. Испанцы привезли с собой лошадей. – Рочестер закатил глаза. – Нет, вы только подумайте! Лошадей! Везли их на кораблях из самой Испании, как будто у нас тут не на чем ездить верхом.

– Говорят, некоторые испанские породы считаются лучшими в мире, – заметил я.

У меня не было ни малейшего желания ввязываться в нападки на иноземцев, хотя я счел примечательным, что Рочестер назвал делегацию Габсбургов «испанцами». Вспомнив надписи, виденные по пути сюда, я прибавил:

– Народ, кажется, не слишком доволен их визитом. Я заметил в городе листовки.

– Да, это все подмастерья. Их рук дело. – Рочестер покачал головой. – Наглые щенки. Им бы стоило вести себя потише, не то ее величество за дерзость отправит их напрямик на флот.

Лицо его помрачнело.

– Не так давно при дворе произошел прискорбный случай. Кто-то бросил в часовню королевы дохлого пса. – Рочестер поморщился. – Бедному животному выбрили тонзуру, как у священника, и привязали на шею записку, в которой призывали перебить всех католиков. После этой истории королева приказала ужесточить комендантский час. Подмастерья все так же развешивают листовки, но у них хватает ума проделывать это поздно ночью, чтобы избежать встречи с нашими патрулями. Если кого-то поймают за руку, ему отсекут кисть.

Я задумался над этими словами. Антииспанские настроения явно выражались куда более открыто, чем полагал Сесил. Я решил, что не будет рискованно задать один вопрос. Все равно, судя по тому, как взбудоражены лондонцы, этот слух уже не тайна.

– Я слышал, что ее величество помышляет взять в супруги Филиппа Испанского. Могут ли выступления, о которых вы говорите, быть связаны с этим известием?

Лицо Рочестера на миг окаменело.

– Филиппа Испанского? – фыркнул он. – Да где вы такое слышали? Я бы на вашем месте не стал верить слухам. В нынешнее время они рождаются по десять на дню. – Рочестер одернул камзол. – Что ж, ладно, оставлю вас отдыхать. Я извещу ее величество и дам вам знать, как только у нее найдется время принять вас.

Я учтиво склонил голову:

– Чрезвычайно обязан вам за доброту.

– Ах, оставьте! Я ведь уже сказал, что весьма рад вашему приезду.

С этими словами он вышел, захлопнув за собой дверь. В наступившей тишине я подошел к сундуку и положил ладонь на кувшин.

Он был горячий на ощупь. Подняв крышку, я обнаружил, что кувшин полон до краев нагретым вином.

У меня возникло отчетливое ощущение, что Рочестер меня ждал.

Выпив полкувшина, я рухнул на жесткую постель. Несмотря на колючий матрас и отчаянные попытки не спать, я очень скоро погрузился в сон. Пробудившись несколько часов спустя, я обнаружил, что во рту пересохло, а в комнате так темно, что не разглядеть собственных рук, даже если поднести их к самому носу. Пытаясь хоть что-то разобрать в темноте, я внезапно осознал, что не один. Что-то теплое и живое привалилось к ногам.

Я протянул руку. Жаркий язык облизал мои пальцы, и мягкая морда ткнулась в ладонь, – похоже, это был Уриан, любимая гончая принцессы, которую она взяла с собой из Хэтфилда. Я высвободил ногу из-под грубого одеяла и легонько ткнул Перегрину, который, как я и подозревал, свернулся, закутавшись в плащ, на камышовом коврике.

– Ты же там застудишься до смерти! И что-то ты слишком долго сюда добирался.

– Зато я нашел Уриана! – воскликнул он. – А еще свел дружбу с конюшенным мальчиком, и он рассказал, что принцесса по утрам катается верхом со своим другом. Я и не знал, что у нее здесь есть друзья.

Сон как рукой сняло.

– Я тоже. Твой приятель назвал его имя?

– Эдвард Кортни, граф Девон. Вроде бы они с принцессой в родстве.

– Что-нибудь еще он сказал?

Помня, что Сесил говорил насчет Кортни, я едва сдерживал побуждение немедленно засыпать Перегрину вопросами. Я заставил себя дышать глубоко и мерно, будто вновь засыпаю, и лишь затем пробормотал себе под нос:

– Она заметит пропажу пса.

– В том-то и соль. Уриан пойдет только за кем-то из своих.

Я улыбнулся, закинув руки за голову. Любимец Елизаветы устроился у меня в ногах. Дыхание Перегринна стало ровным и глубоким. Мальчишка способен был уснуть где угодно.

Итак, я получил подтверждение: Елизавета дружна с Кортни, что бы эта дружба ни означала, а поскольку на них обоих охотится Ренар, эта весть не сулит ничего хорошего. Потом я подумал о дохлом псе, которого зашвырнули в часовню королевы, о привязанной к его шее листовке с угрозами католикам...

На какой погибельный путь ступила Елизавета?

Уайтхолл

Глава 4

Я проснулся затемно. Пока я торопливо ополаскивал лицо в тазу, перед тем проломив тонкий лед, Перегрин вскочил, объявил, что будет мне прислуживать, и, встрепанный со сна, с кувшином под мышкой двинулся неверным шагом набрать свежей воды.

Потом я встал обеими ногами в погнутый таз, и Перегрин полил меня, накренив кувшин над моей головой. Вода оказалась такая холодная, что я, обмываясь, едва мог шевелить руками.

– Добудь нам жаровню или грелку с углями, что угодно, лишь бы давало тепло! – приказал я, стуча зубами. – Если так умываться каждое утро, можно и замерзнуть до смерти!

– Слушаюсь, хозяин! – отозвался Перегрин.

Я попытался хлестнуть его штанами, но он успел отскочить. Еще никогда в жизни я не одевался быстрее, невзирая даже на то, что еще не обсох. Когда я сунул за голенище сапога кинжал, Уриан заскулил и стал скрестись в дверь.

– Его нужно вывести во двор, – заметил Перегрин.

Мальчишка явно не намеревался повторять мои умывальные подвиги, хотя спал не раздеваясь и вид у него был крайне неприглядный.

– Прекрасно, – отозвался я, – вот ты и выведешь. Заодно, раз уж взялся за дела, проверь, как там поживают наши кони. Они должны стоять в тепле и быть накормлены. Я постараюсь прийти в конюшню при первой же возможности. Хочу глянуть на этого Кортни. Кстати, если увидишь ее высочество, постарайся задержать ее, но смотри, чтобы никто другой не сообразил, что вы знаете друг друга.

– Бьюсь об заклад, ее высочество будет просто счастлива, – колко заметил Перегрин и, пристегнув поводок к красному кожаному ошейнику Уриана, ушел.

Я задвинул свою шпагу в ножнах под кровать: ходить с оружием, во всяком случае открыто, при дворе было запрещено. Затем я огляделся, прикидывая, куда можно спрятать сумку. Там не было ничего, что могло бы вызвать подозрения против меня, если не считать книжки, которую мы с Сесилом уговорились в случае нужды использовать для шифрованных писем. Я бы предпочел не оставлять ее на виду. Ни одной расшатанной половицы, которую можно было бы приподнять, в комнате не нашлось. В конце концов я решил затолкать сумку в сундук, и тут в дверь постучали. На пороге стоял Рочестер и ухмылялся, крайне довольный собой.

– Доброго вам утра, мастер Бичем! Хорошо спалось? – Он сделал паузу, окинув меня испытующим взглядом. – Ну как, готовы?

– Готов? – эхом отозвался я.

– Ну да. Ее величество согласилась принять вас нынче утром. Верней говоря, она на этом настаивает.

* * *

За окнами галереи падал снег, превращая постройки внутреннего двора в драгоценные, отороченные белым мехом шкатулки. Во дворце, вопреки обилию ковров и гобеленов, гуляли вездесущие сквозняки. Пронизанный бесчисленными галереями и переходами, изобилующий просторными, обитыми тканью нишами, которые отражали стремление

хозяев к роскоши, а не к надежности и прочности жилища, Уайтхолл до сих пор оставался незавершенным. Это гигантское сооружение возводили годами, и его бесчисленные вычурные залы, частные покои, комнаты слуг и чиновничьи кабинеты мирно существовали бок о бок с парусиной и строительными лесами, которые до сих пор стояли у недостроенных стен, с зияющими щелями в известке, сквозь которые свободно задувал ветер.

Ноги мои совершенно окоченели в сапогах к тому времени, когда мы наконец дошли до галереи, увешанной потемневшими от копоти картинами. Стражники расступились, пропуская меня в мир, которого я никогда не видел прежде, – в анфилады комнат, где стены были обшиты панелями, комнат с роскошными драпировками, золотой и серебряной посудой, канделябрами и резными креслами, такими огромными, что в них можно было спать. На коврах, устилавших полы, были щедро рассыпаны сухая лаванда и розмарин, и при каждом нашем шаге под ногами хрустели лепестки и веточки, источая пьянящий аромат. Во всех каминах, утопленных в стену, горели яблоневые дрова, прогревая воздух до летнего зноя. Было так жарко, что я вдруг почувствовал, как под тесным новым камзолом заструился пот. Мне припомнились рассуждения Кейт о влиянии погоды на жидкости тела, и я подумал, что такой резкий переход от холода к теплу – верный способ захворать.

Я снял шапку. Когда я утер пот со лба, до нас донесся взрыв женского смеха. Рочестер указал на кисейную, шитую серебром занавеску, которая прикрывала арочный проход, украшенный по притолоке гирляндой неистово веселящихся алебастровых херувимов. На лице Рочестера появилась фривольная ухмылка:

– Ты, конечно, будешь там, как лиса в курятнике, ну да такому юнцу капелька женского внимания не повредит.

Я усмехнулся в ответ, оправляя камзол. Из комнаты, которая скрывалась за занавеской, донесся громкий и явно недовольный голос королевы:

– Мистрис Дормер, немедленно прекратите этот адский хохот! Из-за него я и собственных мыслей не могу расслышать. Так что же, подходит этот венец или нет? У нас, знаете ли, и других забот хватает.

Под новые раскаты визгливого смеха я ступил в арочный проем.

Комната, в которой я оказался, была большая, с двумя окнами во всю стену, выходившими на заснеженный парк. Здесь царил неописуемый беспорядок, повсюду – на столах, креслах, буфетах и даже кое-где на полу – были разбросаны ткани разных цветов. Стайка собачек с черными или бурыми пятнами, все как одна с косматыми ушами и в нарядных, усаженных драгоценными камнями ошейниках, при виде меня разразилась пронзительным лаем. Одна самая отважная и почти целиком черная собачонка подскочила ко мне и под безудержный женский смех вцепилась в носок сапога. Хрупкая белокурая девушка в платье из серебристого атласа бросилась в погоню, сгребла безобразницу в охапку и смущенноглянула на меня. У нее были огромные серо-голубые глаза и нежное личико, тронутое девичьим румянцем. На вид ей никак не могло быть больше семнадцати.

– Прошу прощения, – проговорила она с придыханием, и я узнал голос: именно эта девушка так заливисто хохотала. – Мне подарили этого песика совсем недавно, и он, боюсь, еще не приучен к порядку. Он терпеть не может чужих.

– Как его зовут? – Я потянулся было погладить пса, устроившегося у нее на руках, но тот оскалил зубы и зарычал.

– Черныш. – Девушка одарила меня застенчивой улыбкой. – А меня – Джейн Дормер.

– Рад познакомиться с вами, мистрис Дормер.

С этими словами я хотел было поклониться, но тут вперед выступила другая особа женского пола, чересчур худая, но тем не менее привлекательная, в которой я узнал леди Сьюзен Кларансье, фаворитку королевы. Леди Кларансье приветствовала меня улыбкой. Мы познакомились несколько месяцев назад в пору переворота, устроенного Нортумберлендом,

когда я помог ей и Марии ускользнуть от Роберта Дадли и укрыться в стенах замка Фрамлингем.

– Не думаю, что этот господин явился сюда, чтобы повидаться с тобой, – промолвила она, обращаясь к Джейн Дормер. – И если твой песик и впредь будет кидаться на всякого, кто ему незнаком, придется надеть на него намордник.

Прочие дамы сдавленно захихикали. Лицо Джейн стало пунцовым. Еще раз застенчиво улыбнувшись мне, она вернулась на свое место. Хотя большинство женщин, с откровенным любопытством глазевших на меня, были мне совершенно незнакомы, я сразу заметил, что Елизаветы среди них нет. Затем я краем глаза уловил, что леди Кларансье сделала быстрый знак одной из дам и та поспешила прикрыть полотном большой портрет, стоявший в углу. Однако прежде я успел мельком разглядеть, что на холсте изображен белокурый мужчина с выдающимся подбородком и стройными ногами в белых чулках.

– Мастер Бичем, я здесь.

Я обернулся к стоявшей перед зеркалом королеве. Она смотрела на мое отражение, покачивая головой в уборе, напоминавшем тюрбан.

– Для меня большая честь, ваше величество, что вы смогли принять меня так скоро, – произнес я, отвешивая глубокий поклон.

Королева поджала губы. Несколько минут она оглядывала меня с ног до головы и лишь затем раздвинула губы в сухой усмешке, приоткрыв потемневшие зубы.

– Да, это и впрямь ты. Вначале я сомневалась.

Мария Тюдор не была красавицей. Крохи привлекательности, которыми она обладала когда-то, истребили годы ожесточенной борьбы, и теперь она выглядела старше своих тридцати семи лет. Ее карие, близко посаженные глаза окружали морщины, а впалые щеки красноречиво говорили о том, что уже в этом возрасте она лишилась многих зубов. Из-за того что она была подслеповата, между редкими, едва видными бровями навечно пролегла глубокая напряженная морщина; кроме того, Мария была костлява и в жестком, усыпанном драгоценными камнями наряде выглядела угловатой, как ребенок. Недостаток красоты, впрочем, с лихвой восполняли царственное величие манер и великодушная щедрость, снискавшие Марии преданность тех, кто ей служил.

– Кто-нибудь, да уберите же это! – процедила она сквозь зубы, и леди Кларансье поспешила снять с нее тюрбан.

Волосы королевы, прямые, золотисто-рыжеватые, щедро сдобренные сединой, упали ей на плечи. Мария со вздохом провела унизанной перстнями рукой по растрепанным прядям и лишь затем снова воззрилась на меня.

– Что-то не так. По-моему, ты сильно изменился.

– Может быть, дело в бородке, ваше величество? – предположил я.

– Нет, бородка у тебя была и раньше, правда не такая щегольская.

Памятливость королевы застала меня врасплох. Чувствуя, что взгляды всех женщин в комнате устремлены на меня, я негромко проговорил:

– Я отрастил волосы подлиннее, ваше величество, и прибавил в весе.

Лицо Марии прояснилось.

– Да, вот оно! Ты стал плотнее в теле!

Она прямо-таки лучилась довольством оттого, что установила причину перемены во мне. Затем вдруг лицо ее потемнело, словно облачко набежало на солнце. Я почти слышал, как она размышляет: где же он обретался, если прибавил в весе? На чьей службе и под чьим кровом?

Следующая реплика королевы была исполнена язвительности:

– Возможно, мы узнали бы тебя сразу, если бы ты соизволил явиться ко двору не сегодня, а намного раньше. Помнится, мы еще из Фрамлингема высылали тебе приглашение, предлагая пост у нас на службе.

– Да, ваше величество, и я нижайше прошу прощения за то, что откликнулся с таким неподобающим опозданием. Мне подумалось, что будет лучше какое-то время не появляться при дворе. – Я понизил голос и шагнул к королеве, заметив, как она сделала судорожный вдох, впечатленная моим многозначительным тоном. – Я опасался, что здесь могут оказаться те, кому не придется по вкусу, что я предал их доверие. Я с радостью вновь подверг бы себя опасности ради блага вашего величества, но не желал рисковать своей жизнью без малейшей на то необходимости.

С минуту Мария молча глядела на меня, затем отступила на шаг, незаметно для прочих восстановив надлежащее расстояние между нами.

– Мы понимаем тебя. И уверяем, что здесь тебе ничего не грозит. Мы не забыли, сколь бесценную услугу ты нам оказал.

С этими словами королева протянула мне правую руку, украшенную монаршим кольцом. Наклонившись, чтобы прикоснуться губами к руке, я позволил себе незаметно перевести дыхание. Сесил оказался прав: Мария по-прежнему мне доверяла.

Затем я услышал ее голос:

– На будущее, однако, запомни: мы не любим, когда нашими приглашениями пренебрегают. Твой бывший хозяин дорого заплатил за урок.

По спине у меня пробежал холодок. Я выпрямился. Мария хлопнула в ладоши, вызвав очередной приступ заливистого собачьего лая. Пока дамы рылись в грудях материи, королева обратилась ко мне:

– Обсудим причину твоего визита. Рочестер сказал, что ты приехал в поисках работы.

– Если мне будет позволено надеяться... – пробормотал я.

Леди Кларансье подала королеве отрез канареечно-желтого атласа. Я искоса глянул на диванчик у окна, где сидела, лаская своего песика, юная мистрис Дормер. Я подмигнул ей, и она залилась румянцем.

Мария поднесла желтую ткань к подбородку:

– Ну? Что скажешь?

Я вздрогнул от неожиданности. Королева нетерпеливо притопнула ногой. Я перехватил взгляд леди Кларансье, в котором искрилось веселье. Неужели Мария предлагает мне пост при своем гардеробе?

– Э-э... весьма ярко, – беспомощно проговорил я.

– Наконец, ваше величество, кто-то сказал правду, – прозвучал резкий, но в то же время вкрадчивый голос, и вперед выступила женщина, подобной которой я не видел в жизни.

Должно быть, она до сих пор сидела, скрытая от взгляда, в одной из оконных ниш, иначе я непременно заметил бы ее. Не смог бы не заметить: такую женщину невозможно упустить из виду. Она не была красавицей в общепринятом смысле этого слова. Фигура ее, несмотря на высокую грудь и округлые бедра, отличалась чрезмерной худобой, черты лица были хоть и правильными, но излишне резкими. Белоснежная кожа оттеняла выразительность глубоко посаженных глаз непривычного сине-фиолетового цвета, тонкий нос и широкие скулы придавали лицу смутное сходство с кошачьей мордочкой. Общее впечатление аристократической холодности смягчали губы – полные, влекущие головокружительным намеком на плотскую страсть, которая бурлит под этим безупречным покровом. Волосы цвета золотистых осенних листьев были убраны в сложную прическу под вышитой жемчужном шапочкой, выставляя на обозрение тонкие, выщипанные согласно моде брови. Когда она, плавно ступая, направилась к королеве, я отметил не только изящество движений, но и

непривычный фасон наряда – короткие рукава-крылышки и жесткие треугольные юбки. Эта женщина следовала совсем иной моде, нежели другие присутствовавшие здесь дамы.

Мария застонала и разжала пальцы, уронив отрез желтого атласа к своим ногам.

– Что же тогда? – спросила она. – Мы уже столько времени потратили впустую, я больше видеть не могу все это.

Она раздраженно обвела рукой комнату, заваленную тканями.

Женщина с кошачьим лицом повернулась ко мне, и когда она заговорила, я уловил в ее голосе тень вызова.

– Быть может, следует обратиться за советом к другу вашего величества? В конце концов, он ведь мужчина.

Королева нахмурилась:

– Не думаю, что мастер Бичем вправе... – Она осеклась, когда я решительно направился к ближайшему столику, на котором лежали груды отрезов.

Я внимательно осмотрел их, приподнял и отбросил несколько образцов и лишь затем остановился на лиловом бархате с золотой нитью.

– Это, – сказал я.

Мария приняла у меня отрез бархата. Когда она поднесла ткань к лицу, все дамы дружно ахнули. Выбор, благодарение Богу, оказался идеальным: сочный пурпурно-лиловый цвет отвлекал внимание от увядшей кожи, но ярче оттенял подернутые сединой волосы. И неважно, что пурпур был к тому же традиционным цветом монархии. Если не знаешь, что предложить королеве, предлагай пурпур.

– Похоже, все это время нам не доставало только одного – мужского взгляда.

Женщина с кошачьим лицом рассмеялась восхитительным грудным смехом. И протянула мне руку:

– С вашего позволения, я представляюсь сама. Мистрис Сибилла Дарриер.

Я склонился к ее пальцам и уловил запах, который ни с чем невозможно было спутать.

– Счастлив знакомству, миледи, – проговорил я. – Вы недавно были во Франции? От вас пахнет лилиями.

Глаза Сибиллы расширились.

– Мастер Бичем, ты, как всегда, проникателен, – сказала Мария. – Мистрис Дарриер и впрямь лишь недавно вернулась в Англию после долгих лет, проведенных за границей.

Именно так я и подумал. Кроме необычного запаха, этим же объяснялся и наряд, не похожий на другие.

– Она родом из Линкольншира, – прибавила королева, повернувшись к зеркалу, чтобы оценить сочетание лилового бархата с цветом ее лица. – Ты ведь, кажется, тоже родился в тех местах?

Я оцепенел. Похоже, она не забыла ни единого слова из моих рассказов. За улыбкой я старался скрыть испуг:

– Совершенно верно. Однако, как, вне сомнения, хорошо помнит ваше величество, я покинул родные края сразу после кончины родителей. Английская потливая горячка, – пояснил я Сибилле, сопроводив скорбным кивком название смертельно опасной болезни, вспышками которой было отмечено правление Тюдоров. – Я осиротел, когда был еще ребенком.

– Это ужасно, – пробормотала она.

Если я и надеялся на ответную откровенность, то этой надежде не суждено было сбыться, однако в глазах Сибиллы блеснул, как мне показалось, живой интерес. Фальшивым именем когда-то снабдил меня Сесил, и с его же легкой руки я стал единственным уцелевшим отпрыском семьи, состоявшей с ним в деловых отношениях. Подлинный Дэниел Бичем был, как и вся его родня, давно мертв. Семейство принадлежало к мелкому дворянству и вряд ли когда-либо сталкивалось с высокопоставленными особами, к которым явно принад-

лежала Сибилла. Тем не менее осторожность не помешает. Мне совсем не хотелось, чтобы эта женщина увидела во мне земляка, хорошо знакомого с местами ее детства.

И тут она негромко проговорила:

– Я и сама покинула Линкольншир много лет назад. Я едва помню те края.

По всей видимости, Сибиллу увезли из родного графства еще ребенком – сейчас ей было на вид двадцать с небольшим, лишь немного больше, чем мне. Я вздохнул с облегчением.

– И как вам Англия после столь долгой разлуки? – осведомился я.

Женщина взглянула мне в глаза – пристально, по-кошачьи.

– Пока не знаю. Я еще не освоилась.

В этот миг из-за занавески донесся голос Рочестера:

– Его превосходительство Симон Ренар просит аудиенции вашего величества!

Сибилла напоследок вновь одарила меня загадочной усмешкой, сделала реверанс и вернулась к дамам. Когда она уселась рядом с мистрис Дормер, я заметил, что белокурая девушка теснее прижала к себе маленького спаниеля. Сибилла потрепала косматые уши песика. На нее он не зарычал.

– А, дон Ренар! – просияла Мария, когда в комнату вошел элегантный, одетый в черное человек. – Неужели я опоздала на нашу условленную встречу?

– Ваше величество! – Посланник императора Карла V Симон Ренар поднес руку королевы к своим губам. – Если вы не готовы принять меня, стало быть, я пришел слишком рано.

Мария улыбнулась, а я улучил момент, чтобы как следует рассмотреть посла. Он держался с небрежностью искушенного чиновника, и все в нем – от идеально подстриженной бородки и начищенных туфель до безукоризненно сшитого камзола – выдавало человека, привыкшего вращаться в высших кругах власти. Ренар был среднего роста и непримечательной внешности, однако его небольшие карие глаза на умеренно приятном лице смотрели пугающе живо, и я заметил, как он окинул комнату пристальным, хотя и внешне абсолютно безразличным взглядом, не пропустив ни единого человека, в том числе и меня.

Этот человек мог показаться беспечным, но на самом деле всегда оставался настороже.

Мария состроила недовольную гримаску:

– Я все утро перебираю образцы тканей и уже истратила на это немало времени. Я так хочу, когда настанет известный вам срок, выглядеть блистательно! Вот, что скажете об этом бархате? – Она протянула Ренару лиловый отрез. – Мастер Бичем утверждает, что этот цвет мне к лицу, и мои дамы как будто с ним согласны... но понравится ли он его высочеству?

Ренар, едва бросив взгляд на бархат, при последних словах оцепенел. Мария, кажется, совершенно не сознавала, что произнесла это вслух, но, когда взгляд полуприкрытых веками глаз посланника впился в меня, я сразу понял, в чем дело. Портрет в углу, столь поспешно прикрытый одной из дам, изображал Филиппа, сына императора Карла, и все эти хлопоты с будущим нарядом королевы тоже наверняка имели отношение к принцу. Неужели Мария подбирает цвет для свадебного платья?

– Вашему величеству будет к лицу всякий цвет, однако этот, на мой вкус, излишне темен. – Ренар расправил плечи. – Говорите, его предложил вам этот... господин?

Он повернулся ко мне.

– Не уверен, что имею удовольствие быть с ним знакомым.

Мария моргнула, явно разочарованная тем, что Ренар не одобрил мой выбор, а стало быть, ей придется вновь вернуться к утомительной возне с тканями. Почти не скрывая уныния, она проговорила:

– Дон Ренар, это Дэниел Бичем. Помните, я вам рассказывала о нем? Именно его Сесил послал ко мне предостеречь о замыслах Роберта Дадли. Благодаря этому сообщению я сумела бежать в замок Фрамлингем, собрать армию и победить Нортумберленда.

Ренар заученно улыбнулся, но глаза его оставались холодны.

– Да, верно. Стало быть, это и есть таинственный мастер Бичем. Насколько я понимаю, ты подверг себя немалому риску, дабы помочь ее величеству в час нужды. – Он сделал паузу. – Ты по-прежнему служишь секретарю Сесилу?

Выразительный взгляд Марии яснее слов говорил, что она жаждет услышать ответ не меньше Ренара.

– Я покинул службу некоторое время назад, – пожал я плечами с безразличным видом. – При нынешних стесненных обстоятельствах Сесил больше не может позволить себе оплачивать мои услуги.

– Понимаю. – Ренар все так же сверлил меня взглядом. – И каковы же были эти... услуги?

Я помолчал, искоса глядя на королеву. Насколько я мог понять, все, что произошло тогда между нами, до сих пор не подлежало разглашению. Я представления не имел, что именно она рассказала Ренару.

– Если ее величество позволит, я охотно посвящу вас в детали, – сказал я. – Хотя, боюсь, некоторым из здесь присутствующих такой разговор покажется скучным.

– Сомневаюсь, – резко ответил Ренар, но Мария лишь хохотнула.

– Ну же, дон Ренар, – укоризненно проговорила она, – не все, кого мы знали в прошлом, непременно должны оказаться врагами. Да, мастер Бичем служил секретарю герцога, но точно так же служили ему многие другие, и они, должна заметить, проявили себя гораздо менее честными. Я уже заверила мастера Бичема, что он здесь желанный гость.

Она помолчала, сдвинув брови.

– Возможно, мы могли бы подыскать для него место среди ваших служащих. Вы, как никто другой, способны оценить по достоинству его дарования.

Усмешка на губах Ренара растаяла бесследно. Случай был чересчур подходящий, чтобы его упускать.

– Ваше превосходительство, – вкрадчиво проговорил я, – мне не раз доводилось работать на многих значительных особ, а кроме того, я владею несколькими языками, в том числе испанским.

Что было правдой, во всяком случае отчасти. Я мог лишь надеяться, что он не станет проверять мои познания.

– Вот как? – ледяным тоном осведомился посланник. – Как бы впечатляюще это ни звучало, я вынужден с сожалением сообщить, что еще один английский секретарь мне пока не нужен.

Еще бы, подумал я. Секретари, особенно английские, склонны сплетничать, а Ренару это ни к чему, поскольку может породить новые слухи о его стараниях устроить помолвку Марии с Филиппом.

– Прошу прощения вашего превосходительства, но я не ищу места клерка. В отличие от большинства людей я предпочитаю работать не в помещении, а на свежем воздухе. Возможно, мы могли бы прийти к соглашению.

Глаза Ренара сузились. Он явно не ожидал, что я стану так дерзко добиваться своего.

– Безусловно, – подхватила Мария. – Кроме того, я многим обязана этому человеку и желаю его вознаградить.

Ренар превосходно понял этот намек. Сам он явно предпочел бы отправить меня чистить отхожие места, но перечить королеве не мог.

– Всегда к услугам вашего величества, – проговорил он, учтиво склонив голову.

– Прекрасно. Предоставляю вам уладить это дело наилучшим образом. – Мария подала знак своим дамам. – Теперь мне нужно переодеться к заседанию совета. Дон Ренар, подождите меня. Нам нужно будет прежде кое-что обсудить. Мастер Бичем...

Я поклонился.

– ...рада была повидаться. Надеюсь, нам еще выпадет случай встретиться. Дайте мне знать, как устроитесь на новой должности.

Не дожидаясь моего ответа, она величаво направилась к дальнему дверному проему. Дамы поспешили следом вместе со стайкой залиvisto лающих собачек.

И я вдруг оказался один на один с посланником.

– Похоже, ты куда более одарен, нежели я ожидал, – заметил Ренар.

– И я счастлив буду применить свои способности на службе вашему превосходительству, – отозвался я.

– Об этом мы еще поговорим. Скажем, завтра, около девяти?

Эти слова были меньше всего похожи на учтивое предложение. Я кивнул в знак подтверждения, и тут он, резко шагнув вперед, схватил меня за руку. У него оказалась неожиданно сильная хватка, присущая скорей любителю физических упражнений, нежели чиновнику, привычному к перу и бумаге.

– Впрочем, в этом нет нужды, – проговорил он. – Мы ведь оба простые смертные, готовые честно служить своим господам.

Я отступил на шаг. В сердечных словах Ренара не было ни капли сердечности. Его вынудили уступить, и ему это пришлось не по вкусу. Впрочем, я достиг своей цели. Я получил возможность внедриться в его окружение и расстроить его замыслы.

– Рочестер укажет тебе, куда прийти, – добавил Ренар, отходя к королевскому буфету и наливая себе из литого серебряного кувшина.

Мне он выпить не предложил. Это был невысказанный знак удалиться. Я повернулся, чтобы уйти, и тут услышал:

– Мастер Бичем!

Я оглянулся: в проеме, который вел в частные покои королевы, стояла Сибилла, держа в руке сложенный лист бумаги.

– Сегодня вечером ее величество устраивает пир в честь делегации Габсбургов и надеется, что вы присоединитесь к нам.

С этими словами она вручила мне бумагу, на которой стояла королевская печать.

– Это приглашение за подписью ее величества обеспечит вам место на пиру, – пояснила она.

Я взял приглашение – и ощутил мимолетное прикосновение ее пальцев.

Ренар шумно втянул воздух сквозь зубы.

– До вечера, – негромко проговорила Сибилла и ушла.

Я не сознавал, что так и остался стоять, глядя на проем, в котором она скрылась, – пока не прозвучал ледяной голос посланника:

– Может, ты подыскиваешь себе не только работу, но и жену благородного происхождения?

Я обернулся к Ренару:

– Увы, пока что я не могу позволить себе такую роскошь. Однако если мои обстоятельства изменятся...

Я намеренно не договорил и был вознагражден: его глаза, в упор смотревшие на меня поверх кубка, потемнели от ярости.

– Советую вести поиски в другом месте, – процедил он. – Мистрис Дарриер уже сговорена.

Выходя из комнаты, я не видел лица Ренара, но чувствовал, как его взгляд впивается мне между лопаток, словно острие приставленного к спине кинжала.

Я вполне понял его предостережение.

Глава 5

Рочестер объяснил, как пройти к канцелярии Ренара сквозь череду коридоров и поворотов, в которой я немудрено было запутаться, а заодно рассыпался в безудержных поздравлениях.

– Отличный ход, мастер Бичем! Дон Ренар превосходный хозяин, честный и преданный интересам ее величества. Лучшего места при дворе вам не найти. – Он подмигнул. – Во всяком случае, для того, чтобы недурно заработать. Говорят, у этих габсбургских чиновников кошельки битком набиты золотыми дукатами.

Позабавленный этой речью, я вновь поблагодарил Рочестера за доброту и поднялся по лестнице в увешанную картинами галерею. Глядя в сводчатые ниши окон, я обнаружил, что снегопад прекратился. Блеклое солнце кое-как пробивалось сквозь белесую зимнюю пелену, проливая тусклый свет на постройки внутреннего двора.

Я размышлял над тем, что успел узнать до сих пор. Я видел портрет Филиппа Испанского в личных покоях Марии – верный знак того, что она всерьез обдумывает предложение о помолвке с Габсбургом, если уже не приняла его. Отсутствие Елизаветы в покоях королевы было не менее красноречиво и говорило о том, что между сестрами пробежала черная кошка. Елизавета каждое утро катается верхом с Кортни; если он поддерживает оппозицию Габсбургам, возможно ли, что Елизавета использует эту дружбу, дабы намекнуть на свое собственное недовольство грядущим браком королевы с испанским принцем? Такой ход был в ее духе. Не сказав формально ни единого слова, по сути, она недвусмысленно выразила свою позицию.

Мысли мои вернулись к Ренару. У него не было ни малейшей причины доверять мне, чужаку, который прибыл ко двору, не имея за душой никаких рекомендаций, кроме былой заслуги перед королевой. Я усугубил его подозрения, показав свое влияние на Марию и вынудив его предложить мне место. Что ожидает меня на завтрашней встрече?

Думал я и о Сибилле – англичанке, которая выросла за границей, только что вернулась в Англию и, по словам Ренара, была «сговорена». Не имея большого опыта в сердечных делах, я все же способен был распознать ревность, а посол, судя по его тону, терзался именно этим чувством. И однако же Сибилла намеренно флиртowała со мной, причем проделывала это в его присутствии. Почему? Что связывает ее с Ренаром, если между ними вообще есть связь?

Я ускорил шаг и, лишь добравшись до своей комнаты, осознал, насколько быстро шел: будто опасался, что меня вот-вот остановят. Я поневоле усмехнулся. Дня не прошло, а я уже получил аудиенцию у королевы и устроился на службу к Симону Ренару, человеку, который, по мнению Сесиля, умышлял погубить Елизавету. Меня можно было поздравить. Впрочем, я прекрасно знал, как легко оплетают хищные щупальца двора неосторожную жертву и как просто здесь угодить в западню. Нужно следить за каждым своим шагом.

Убедившись, что в комнате все в порядке и к моим вещам никто не прикасался, я набросил плащ и отважно двинулся в переплетения дворцового лабиринта. Если счастье от меня не отвернется, я сумею добраться до конюшен и лично поболтать с новым приятелем Перегрина. Я хотел побольше вызнать о Кортни и его отношениях с Елизаветой, однако едва успел пересечь четырехугольный двор и приблизиться к длинному, покрытому краской зданию конюшен, как оттуда выбежал разбурлявшийся от холода Перегрин. Увидев меня, он резко затормозил.

– Я видел ее! – выпалил он. – Она говорила со мной!

Не было нужды спрашивать, кто такая «она».

– Тихо!

Я стиснул его плечо и огляделся: поблизости слонялись несколько конюхов.

– Больше ни слова! – предостерег я и зашагал прочь, увлекая Перегрину за собой во дворец.

Едва закрыв за нами дверь комнаты, я развернулся к нему и потребовал:

– Повтори дословно, что она сказала.

– Ну... она явилась в конюшни после верховой прогулки. Я возился с Шафраном. У него обнаружилась ранка на лбу, – верно, угодило вылетевшим из-под копыт камешком на дороге. Как бы то ни было, я смазывал эту ранку, когда вошла она вместе с каким-то вельможей. Они смеялись. Вельможа кликнул кого-нибудь принять коня, и я вызвался. Когда лорд – она обращалась к нему «милый кузен» – ушел, она заговорила со мной. Она была крайне недовольна. Сказала, что мы не должны были являться ко двору без ее дозволения.

Я испытал безмерное облегчение. Да, это очень похоже на Елизавету.

– Естественно, ничего другого она и не могла сказать, зато, по крайней мере, ей известно, что мы здесь. Что-нибудь еще она говорила?

– Нет, потому что лорд ждал ее снаружи. Она сказала, что у нее голова разболелась от его бесконечной болтовни и она собирается поспать перед тем, как переодеться к пиру у королевы. Да, и еще велела, чтоб я позаботился об Уриане, раз уж украл его.

То было послание для меня. Елизавета хотела дать понять, что будет сегодня вечером на пиру. «Милый кузен», с которым она каталась верхом, конечно же, Кортни. Я просто разминутся с ним. Приди я парой минут раньше – и, возможно, успел бы поближе присмотреться к человеку, чья дружба с Елизаветой меня уже не на шутку беспокоила.

– Что ты можешь сказать об этом вельможе? – спросил я.

Перегрин презрительно фыркнул уголком рта:

– Грубиян, как вся их порода. Когда я принял коня, он мне даже мелкой монетки не дал, хотя у конюшенных мальчиков только и дохода что чаевые. И еще глянул на меня так, точно я собираюсь что-то стянуть, когда ее высочество сказала, что хочет перемолвиться со мной словом насчет своего пса.

Меня кольнула тревога. Кортни недоверчив – недобрый знак.

– Ты сделал все как надо, – проговорил я вслух. – Теперь она знает, что мы здесь, и не будет застигнута врасплох, увидев меня. Тем не менее я хочу, чтобы ты держался от Кортни подальше. Мне не нравится то, что я о нем слышал.

Перегрин кивнул. Я подошел к сундуку, достал свой новый, с иголки, камзол ярко-красного цвета и наплечную цепь, завернутую для сохранности в кусок холста. Когда я развернул лоскут, обнажив массивные золоченые звенья, Перегрин громко присвистнул:

– Вот это штука! Пару золотых, верно, стоила, не меньше.

– Не спеши восторгаться. Это подделка. Для тебя я тоже прихватил новый камзол и рукава.

– Только не из бархата. И цепи к ним, быюсь об заклад, не полагается.

Я рассмеялся:

– Хорошенький из тебя получается оруженосец! – Я похлопал его по плечу. – Поди вымойся как следует да не забудь про мыло. Нынче вечером, друг мой, будем пировать при дворе.

Я нарочно не стал следить за его мытьем и целиком погрузился в собственные хлопоты, пока не услышал за спиной досадливый вздох. Перегрин, уже в новом наряде, неловко застыл посреди комнаты; его непокорные кудри, смазанные маслом, влажными завитками ниспадали на плечи. Зеленый шерстяной камзол подчеркивал изумрудный оттенок его глаз.

– Ты отмылся на славу, – заметил я.

– Все тело чешется, как будто у меня блохи, – скривился Перегрин.

– Так ведь ты все утро провел в конюшне.

С этими словами я повернулся к маленькому ручному зеркалу, которое еще прежде установил на табурете. Закрепив на плечах массивную цепь, я вспомнил об оружии. Я пристраивал за голенищем кинжал, когда Перегрин вдруг спросил:

– Нам тоже грозит опасность?

С ответом я не торопился.

– Если бы ты просто объяснил, что происходит, я бы мог...

Я предостерегающе вскинул руку.

– Ты обещал, помнишь? Никаких вопросов. – И добавил уже мягче: – Мне просто нужно поговорить с ее высочеством. Вполне возможно, что мне понадобится твоя помощь.

Лицо Перегрина просветлело, чего я, впрочем, и ожидал. Повернувшись к дорожной сумке, я достал перо, чернила и лист бумаги. Оторвав клочок, я быстро набросал пару слов.

«Конюшни. Завтра в полдень».

Больше ничего не посмел добавить – на тот случай, если записка попадет в чужие руки. Я сложил обрывок бумаги крохотным квадратиком, без труда помещавшимся в ладони, сунул его под камзол и лишь затем повернулся к Перегрину.

– Хочешь, чтобы я его отнес? – с нетерпением осведомился он.

– Посмотрим, – отозвался я. – Вначале давай выясним, что уготовил нам нынешний вечер. Пойдем. Не хватало еще в первый же день при дворе опоздать на пир.

* * *

Гулкий парадный зал был огромен и на диво хорошо прогрет благодаря двум громадным каминам каннского камня, поставляемого из Нормандии. В каминах жарко пылал благоуханный огонь. Обширный свод с выступающими ребрами каркаса был едва различим высоко над головой – его росписи заволакивала пелена дыма от множества золоченых канделябров и факелов в настенных гнездах.

На черно-белом шахматном полу уже толпилось изрядное количество народа, и голоса сливались в неразборчивый гул, когда придворные неспешно, с кубками в руках прохаживались по залу, собирались в кружки и перешептывались, глаза на помост, где были расставлены накрытый бархатом стол и несколько мягких кресел. Я заметил, что многие придворные носят напоказ распятия, усыпанные драгоценными камнями, и медальоны с изображениями святых. Притом что в годы правления покойного короля подобное идолопоклонничество упразднилось, у лондонских златокузнецов, судя по всему, сейчас было работы хоть отбавляй. Разглядел я также державшуюся в стороне группу мрачных людей в высоких черных шляпах и коротких плащах – все сплошь бородатые, с недобрыми хищными глазами, на лицах ни единой улыбки. Я догадался, что это те самые испанцы из делегации Габсбургов.

– Не отставай, – бросил я Перегрину, покуда мы осторожно пробирались между слуг с подносами, разносивших вино.

Нашей целью был ряд столов на козлах, установленных перед помостом. Некоторые ранние гости уже требовали, чтобы их провели на означенные в приглашениях места; дворецкие в ливреях составляли из них очередь. Я надеялся, что с моего места будет виден вход – чтобы не пропустить прибытия Елизаветы. Внимательно оглядев парадный зал, я убедился, что она еще не появилась.

Пока мы с Перегрином томились в очереди, я вдруг почувствовал, что за мной следят. Ощущение было настолько сильным, что по спине явственно побежали мурашки. Я рывком обернулся, испытующе всматриваясь в толпу. Краем глаза я уловил промелькнувшее в павлиньей пестроте нарядов неуместное черное пятно, словно в резком движении взметнулся на долю секунды старый плащ. Крупная фигура по соседству с этим всплеском черноты

пришла в движение и буквально растаяла в толпе придворных. Сколько я ни всматривался – даже привстал на цыпочки, чтобы видеть поверх людских голов, – так и не удалось разобрать, что это за человек и откуда он взялся. И все же я твердо знал, что мне не померещилось: он был там, неподалеку от меня.

Перегрин, стоявший рядом, негромко спросил:

– Что такое?

– Не знаю.

Я попытался было протиснуться через толпу, но фигура в черном сгинула бесследно. Затем герольды возвестили появление королевы, и все, кто только ни был в зале, тут же принялись, толкая друг друга, продвигаться вперед. Сердитая реплика, брошенная в мой адрес, напомнила, что я задерживаю очередь. Я поспешил к столу, на который указал мне раздраженный дворецкий, чуть ли не вырвавший из моих рук приглашение. Место мое оказалось недалеко от помоста: достаточно близко, чтобы наблюдать за всем происходящим, не вызывая ни малейших подозрений.

Перегрин оглядел один-единственный стул, предназначенный для меня.

– А мне стоять, что ли?

– Как любому оруженосцу. Будешь подавать мне салфетку и подливать в кубок.

– Восхитительно. А ты будешь бросать мне огрызки жаркого, как собаке.

– Ты сможешь поест, как только...

Я смолк, увидев, что к помосту направляется Симон Ренар, сопровождающий королеву. Мария облачилась в тяжелое бархатное платье цвета охры с отороченными мехом рукавами; волосы ее под чепцом были разделены на две части. В руках она сжимала бутоньерку из шелковых фиалок. Инкрустированное сапфирами распятие покачивалось над ее узким корсажем, когда она проходила мимо застывших в почтительном поклоне придворных. За королевой шли дамы из ее свиты. Джейн Дормер вела своего любимца Черныша на туго натянутом поводке. За ней следовала Сибилла Дарриер в платье из ярко-алого бархата, высокий воротничок платья был расшит гранатами, и камни вспыхивали отраженным светом канделябров и факелов.

Дамы расселись за ближайшим столом. Несколько вельмож из габсбургской делегации присоединились к королеве на помосте, в том числе и Ренар, который сел через одно место от Марии. По левую руку королевы – на почетном месте – устроилась костлявая дама в старомодном наряде из узорчатого дамаста и остроконечном гейбле.¹ Она обладала внушительных размеров носом и пронзительными, узкими, как щелочки, голубыми глазками. Соседом этой дамы с другой стороны оказался молодой красавец, броско разряженный в черно-белый атлас; его короткий, шитый по французской моде плащ был скреплен на одном плече изысканным галуном.

– Это он! – прошептал мне на ухо Перегрин. – Тот самый «милый кузен»!

Так я впервые увидел Эдварда Кортни, графа Девона. Мне подумалось, что он должен пользоваться успехом у дам: хорошо сложен, широк в плечах и в груди, с густыми золотисто-каштановыми волосами, того же цвета холеными усами и модной раздвоенной бородкой. Внешний вид Кортни оказался для меня полной неожиданностью: мне бы и в голову не пришло, что человек, столько лет проведенный в Тауэре, может выглядеть таким цветущим и крепким; привлекательность его лица портила разве что капризная гримаса. Когда носатая дама, сидевшая рядом с ним, подняла кубок, чтобы в него налили вина, Кортни что-то сказал ей – явно остроуту. Дама одарила его кислой улыбкой. Они, судя по всему, были знакомы, Впрочем как и все при дворе, особенно на подобных сборищах. Даже совершенно чужие

¹ Гейбл (тюдоровский чепец) – в Англии женский головной убор первой трети XVI века. – Здесь и далее примеч. перев.

друг другу люди были не прочь изобразить близкое знакомство, если это могло обеспечить им некое преимущество.

Слуги с подносами обходили нас, прилежно наполняя кубки выпивкой. Внезапно Ренар наклонился к королеве. Он что-то прошептал ей на ухо, и Мария вперила взгляд в разделявшее их пустое кресло. Лицо ее заметно омрачилось.

– Как? – проговорила она недовольно и достаточно громко, чтобы ее было слышно во всем зале. – Неужели мы вновь принуждены терпеть ее возмутительное своеволие?

Воцарилась неловкая тишина. Ренар обменялся быстрым заговорщическим взглядом с носатой дамой, между тем как Мария устремила внимание на Кортни. Рука ее сжалась в кулак, сминая шелковые фиалки.

– Разве вы, милорд, не передали ей наше послание, как мы повелели?

Кортни побледнел:

– Уверяю, ваше величество, я сообщил вашу просьбу...

Мария ткнула в него пальцем:

– Это была не просьба! Немедля ступайте в ее покои. Скажите нашей сестре леди Елизавете, что она исполнит наш приказ и выйдет сегодня к нашим гостям, ибо такова наша монаршая воля!

Кортни начал было приподниматься из кресла, когда королева вдруг застыла, прямо глядя перед собой. Мгновение казалось, что все люди, сколько их было в зале, одновременно затаили дыхание. Мне не нужно было поднимать глаза, чтобы понять: Елизавета Тюдор, моя госпожа, соизволила появиться на пиру – как всегда, с опозданием.

На ней было простое, ничем не украшенное платье, и черный бархат ладно облекал ее стройную фигуру, отчего она казалась выше. Медно-рыжая копна волос свободно ниспадала до узкой талии и колыхалась огненной завесой, когда Елизавета, направляясь к помосту, шла между столов под неотступными взглядами придворных. Испанцы непритворно перекрестились и отвели глаза, словно она могла навести на них порчу. Я на миг отвлекся, сделав мысленную пометку о поведении испанцев, и тут услышал неистовый собачий лай: песик Джейн Дормер прыгал и рвался с поводка, узнав Елизавету. Елизавета обладала особым даром вызывать расположение животных, даже недоверчивые кошки в конюшне Хэтфилда были с ней приветливы. Эта сценка навела меня на мысль. Песик Джейн Дормер вполне может отвлечь внимание окружающих...

Я перевел взгляд на королеву, потому что Елизавета уже опускалась в реверансе под ее неприязненным взглядом. Мария стиснула зубы, и при виде ее окаменевшего, совершенно неподвижного лица мне стало страшно.

Мария Тюдор смотрела на свою сестру с неприкрытой ненавистью.

Елизавета негромко проговорила:

– Простите, что опоздала, ваше величество. Мне... мне было нехорошо.

– Но не настолько, чтобы отказаться от верховой прогулки с нашим кузеном! – едко возразила Мария. – Вы также были приглашены сегодня посетить вместе с нами послеобеденную мессу, и снова, в который раз, мы вас не дождались.

Ответ Елизаветы прозвучал покорно и тихо; только те, кто близко знал ее, могли бы понять, как тщательно она подбирала каждое слово:

– Ваше величество, мне показалось, что после утренней прогулки я подхватила простуду. Я не хотела подвергать ваше...

– Довольно! – оборвала ее Мария, нетерпеливо взмахнув рукой. – Все это я слышала и раньше, по сути, даже слишком часто. Сдается мне, всякий раз, когда заходит речь о мессе, с вами случается внезапное недомогание.

Она помолчала, сверля взглядом сестру – так свирепо, словно надеялась одним усилием воли заставить Елизавету раствориться в воздухе.

– Где освященная медаль Девы Марии, которую я вам подарила?

Елизавета на мгновение замерла, а потом рука ее скользнула к высокому вороту платья.

– Я оставила ее в своих покоях сохранности ради. – Голос ее звучал осторожно, но был вместе с тем на удивление ровен. – Этот дар слишком дорог мне, и я опасаясь ненароком его потерять.

– Или же потерять поддержку своих друзей-еретиков, если появитесь перед ними с этой медалью! – Мария подалась вперед, глаза ее убийственно сверкали. – У вас на все найдется отговорка, мадам, впрочем, как обычно, но мы не слепы и видим, что творится вокруг, хоть вы, верно, и полагаете иначе. Не думайте, что сможете вечно оказывать неповиновение нашей воле. Вашей лжи и уверткам скоро придет конец!

Если Елизавета и чувствовала, что взгляды всего двора прикованы к ней, смиренно склонившейся перед королевой, она ничем этого не показала. Вздернув подбородок, принцесса проговорила:

– Сожалею, что дала вашему величеству повод усомниться во мне. Как ни опечалил бы меня подобный исход, но я, с позволения вашего величества, готова вернуться в свое поместье Хэтфилд...

– Ни за что! – Мария грохнула кулаком по столу, и приборы подпрыгнули. – Вы остаетесь здесь, у нас на глазах. И не смейте больше просить разрешения на отъезд, разве что вам захочется лишний раз испытать наше терпение. Мы ведь можем отправить вас не только в Хэтфилд, но и кое-куда похуже.

Она жестом указала на пустое кресло.

– Вы сядете рядом с нашей кузиной леди Леннокс, чью преданность вам бы следовало взять образцом для подражания.

Осторожно, словно ступая по битому стеклу, Елизавета поднялась на помост. Теперь я знал, кто такая эта носатая дама, – Маргарита Дуглас, графиня Леннокс. Подобно Эдварду Кортни, она обладала правами на трон. Кроме того, я, к смятению своему, осознал, что мы с ней тоже родня: моя мать приходилась ее матери теткой.

Леди Леннокс искоса метнула на Елизавету колкий взгляд, а один из пажей поспешил налить в кубок принцессы вина. Елизавета к нему не притронулась. Пожив с нею под одним кровом в Хэтфилде, я узнал, что она редко пьет неразведенное вино, потому что подвержена приступам головной боли. На виске ее отчетливо проступила голубая жилка – единственный видимый знак того, что принцесса охвачена тревогой.

Начался пир. Я ел умеренно, наблюдая за Елизаветой, которая тоже не проявляла особого интереса к еде. Я был поражен тем, как пугающе она исхудала, как отчетливо проступают на осунувшемся лице обтянутые кожей скулы. Несколько месяцев при дворе дались ей нелегко, и при мысли об этом я вынужден был спрятать под стол руки, стиснутые в кулаки. Я не мог позволить чувствам взять надо мной верх. Мне понадобятся ясность ума и хладнокровие, чтобы вызволить Елизавету из беды.

И все-таки я не мог не гадать, заметила ли она меня, сидящего за пару столов от помоста, так близко, что можно добросить камешек. Если и заметила, то ничем этого не показала. Взгляд Елизаветы скользил по залу, ни на ком в особенности не останавливаясь, как будто она отрешенно всматривалась в дальний берег мутного пруда и не замечала тех, кто тайком посматривал в ее сторону. Едва только пир подошел к концу и Перегрин, проворно метнувшись к столу, жадно набросился на остатки еды в моей тарелке, Елизавета поднялась с места. На миг наши глаза встретились, и сила ее взгляда пронзила меня насквозь, словно удар кинжала. Вокруг нас слуги уже убрали со столов; придворные оставляли свои тарелки и, прихватив лишь кубки, расходились, дабы освободить место для вечерних развлечений. Музыканты, укрытые в особой галерее, уже настраивали инструменты. Я видел и слышал

все, что происходило вокруг, но не уделял этому внимания, потрясенный до глубины души мольбой в затравленном взгляде принцессы.

Затем она отвернулась и вслед за королевой и ее гостями направилась к одному из огромных каминов. Там она взяла себе стул и села одна, в отдалении от всех прочих, точно изгнанница. И она, и Мария вели себя так, словно другая перестала существовать; королеву окружили Ренар и прочие испанцы, и слышен был ее громкий, чрезмерно возбужденный смех.

– Помни: все делать так, как я сказал, – шепнул я Перегрину.

Он кивнул с набитым ртом и руками, полными объедков.

Я стал потихоньку пробираться к королевским гостям. Кортни болтал с одной из дам, точно не замечая существования Елизаветы, хотя она сидела лишь в паре шагов. Я взял на заметку его поведение, особенно в свете того, что мне уже удалось разузнать. Очевидно, ни Кортни, ни принцесса не желали показывать свои отношения на публике.

В поисках подходящего случая я остановился около компании увлеченных сплетнями придворных. И тут мне наконец повезло: Джейн Дормер поспешила занять свободный табурет, волоча за собой черного песика, который все так же упирался и натягивал поводок. Джейн пыталась заставить его сесть, толкала, прижимая к полу задние лапы, и корила за непослушание. Песик в ответ только тявкал, бешено виляя хвостом; взгляд его неотрывно устремлялся туда, где сидела принцесса. Минуту спустя к Джейн подплыла Сибилла и завела разговор, однако мистрис Дормер, поглощенная безуспешными попытками укротить своего любимца, едва глянула на элегантную собеседницу.

Я сделал глубокий вдох и небрежным шагом направился к ним. Сорвав с головы берет, я присел на корточки, чтобы погладить пса. Тот немедленно подпрыгнул и облизал мое лицо.

– Черныш, прекрати! – Джейн залилась румянцем и одарила меня виноватым взглядом. – Извините. Я просто не знаю, что с ним делать! Он совершенно не желает меня слушаться.

Черныш продолжал выражать симпатию на свой собачий манер, а я между тем незаметно обследовал узел в том месте, где поводок прикреплялся к ошейнику. Узелок, как я предполагал, оказался слабый, и мне не составило труда ослабить его еще больше.

– Бедняга, – проговорил я вслух. – Здесь так шумно и столько народу – неудивительно, что он пришел в замешательство.

– Вы знаете толк в собаках, – заметила Джейн.

– О да, – отозвался я с улыбкой. – Порой я даже предпочитаю их общество человеческому.

Джейн нахмурилась:

– Собаки согревают нашу постель холодной ночью и избавляют нас от блох, но все же души у них нет. Как вы можете предпочитать собак нам, людям?

Я услышал отчетливый шорох юбок – Сибилла повернулась к нам.

– Некоторые утверждают, что люди, предпочитающие общество животных, как правило, наиболее склонны к честности, – сказала она. – Справедливо ли это в вашем случае, мастер Бичем? Похоже, ее величество считает именно так. Она весьма похвально отзывалась о вашей прямоте и отваге.

Я не мог оторвать от нее глаз. При свете свечей она стала еще прекрасней, если только такое было возможно; пляшущие тени подчеркивали густую дымную синеву ее глаз и пунцовую сочность губ. Загадочная полуулыбка, игравшая на этих губах, была также совершенно недвусмысленна. Я знал, что это за знак. Я видел его прежде на лицах других женщин – обольстительный, манящий призыв.

Я выпрямился.

– Похвала ее величества для меня безмерная честь, – осторожно проговорил я.

– Не сомневаюсь, – отозвалась Сибилла. – Говорят еще, что вы, по всей вероятности, очень скоро получите место на службе у посла Ренара. Он также с некоторых пор пользуется благосклонностью королевы.

Я уловил в ее голосе нотки, намекавшие на некий побудительный мотив, которого я не в силах был распознать. Предостерегала она меня о чем-то или же просто вела светский разговор? Я нутром чуял, что второе маловероятно. Сибилла Дарриер казалась мне одной из тех женщин, которые ничего не делают просто так... и я напрягся, заметив, что взгляд ее переместился на неподвижно сидевшую в своем кресле Елизавету.

– Различия в вере, – проговорила Сибилла, – могут стать непреодолимой преградой даже между теми, кому самой природой предназначено быть ближе всех друг другу.

Эти слова застали меня врасплох, как и резкая отповедь Джейн:

– Она недостойна нашего сострадания! Всем известно, что она еретичка, которая отказывается перейти в истинную веру, хотя королева постоянно велит ей подчиниться. – Джейн свирепо уставилась на Сибиллу. – Не будь она сестрой королевы, смею сказать, уже давно была бы заключена в Тауэр. А вам, сударыня, следует быть осторожней в высказываниях, памятуя историю вашей семьи. Кто-кто, а уж вы, верно, не захотели бы перечить воле нашей монархини!

У меня перехватило дыхание от неприкрытой злобы в голосе Джейн. Сибилла, однако, и бровью не повела.

– Милая моя, – сказала она, – вы ведете необдуманные речи. Как ни похвально подобное рвение, вряд ли оно пристало девице, особенно если она надеется выйти замуж.

Лицо Джейн вытянулось. Черныш, вертевшийся подле нее, снова стал лаять. Я наклонился погладить песика, не выдавая своего любопытства. Стычка между Джейн и Сибиллой заинтриговала меня, равно как и то, что Сибилла жила вне Англии, по всей видимости, из-за того, что ее семья угодила в опалу.

– О, – услышал я голос Сибиллы, – кажется, мы вызвали интерес дона Ренара.

Я проследил за ее взглядом, устремленным на спутников королевы. Посол Габсбургов в упор смотрел на нас, не скрывая злости на то, что обнаружил меня рядом с Сибиллой. Склоняясь над Чернышом и одной рукой почесывая его за ухом, я поднял глаза. Теперь Сибилла смотрела на меня как на своего тайного соучастника.

– *Audentes fortuna juvat*, – прошептала она, и глаза ее заблестели.

Фортуна благоволит смелым.

Она видела, как моя рука соскользнула к ошейнику Черныша. Не отводя взгляда от Сибиллы, я отвязал поводок. Пронзительно тявкнув, Черныш ринулся прочь. Джейн вскочила с испуганным вскриком; я с неистово бьющимся сердцем смотрел, как песик, на что я втайне и надеялся, мчится напрямик к Елизавете. Завидев пса без поводка, что было строжайше запрещено при дворе и особенно в парадном зале, придворные разразились смехом и принялись топтать ногами. Напуганный топотом, который доносился со всех сторон, Черныш резко сменил направление и, прижав уши и поджав хвост, в панике метнулся к вельможам, отдыхавшим у камина.

– Нет! – пронзительно взвизгнула Джейн. – Держите его! Огонь!

Услышав вопль своей юной фрейлины, Мария нахмурилась, приподнялась в кресле и взгляделась в бегущее мимо нее животное. Слабое зрение не позволило королеве рассмотреть, кто именно стал причиной замешательства, и у нее вырвался вскрик: «Спаси нас Господи! Крыса!», что было вполне объяснимо – размерами, цветом и прытью Черныш и впрямь издали напоминал грызуна.

Я уже пожалел, что спустил его с поводка. Я определенно переоценил способность песика пробраться через толпу к Елизавете и таким образом обеспечить мне возможность подойти к принцессе. Я увидел, как Ренар недовольно скривился и отступил в сторону,

открывая проход к камину, и бросился вперед, чтобы перехватить Черныша, прежде чем тот добежит до расписного экрана и окажется в западне между камином и спутниками королевы, – и тут, к моему немалому облегчению, Елизавета поднялась и позвала пса.

Уши Черныша встали торчком, словно он услышал глас небесный, возвещающий о спасении. Песик опрометью кинулся к принцессе. Елизавета подхватила его, что-то ласково нашептала, и песик, высунув язык, разом обмяк в ее руках. Я прибавил ходу, пробираясь к Елизавете мимо хохочущих придворных и зная, что вслед за мной бежит Джейн Дормер. В моем распоряжении были считанные секунды. На последних шагах я незаметно извлек из-под камзола тщательно сложенную записку.

Я протянул руки к Елизавете, она вручила мне песика, и наши пальцы соприкоснулись. Принцесса нащупала комочек бумаги, и глаза ее на долю секунды едва заметно расширились; затем она взяла записку. Прижимая к груди тяжело дышащего песика, я поклонился и отступил на шаг.

Джейн подбежала к нам:

– Ах, благодарю вас! Простите, что так вышло! Мне и в голову не приходило, что Черныш может сорваться с поводка! Если бы не ваше высочество...

Она, казалось, совсем позабыла о том, как лишь недавно осуждала принцессу, которая теперь взирала на нее с совершенно бесстрастным видом. Я отдал Джейн Черныша, и та судорожно вцепилась в песика, заливаясь слезами облегчения.

– Плохая собачка! – с упреком шептала она в косматое ухо любимца. – Очень, очень плохая собачка! Ты перепугал меня до смерти!

Елизавета ничего не сказала, лишь взглянула на меня с тем учтиво-безразличным видом, которого удостоился бы всякий выказавший добрые намерения незнакомец, и вернулась к своему креслу.

– Я у вас в долгу, – шепнула мне Джейн. – Если в моих силах будет чем-нибудь вам помочь – только попросите.

– Не думаю, что ему угрожала опасность, – отозвался я.

Лихорадочный стук сердца в груди унялся. Уловка сработала. Елизавета получила мою записку.

Я не слышал, как к нам подошла королева, и вздрогнул от неожиданности, когда прозвучал ее голос:

– Что означает этот неподобающий гвалт?

Джейн и я разом повернулись, и я увидел, как исполненный ненависти взгляд королевы, минуя нас обоих, устремляется туда, где застыла возле своего кресла Елизавета.

– Мы позволяем вам удалиться, мадам, – холодно процедила королева. – Мы не желаем, дабы подобные волнения подвергали риску ваше и без того хрупкое здоровье или, боже упаси, стали причиной очередного недомогания. И я предлагаю вам хорошенько подумать над тем, чего мы от вас уже неоднократно требовали. Помните, хоть мы с вами и сестры, терпение наше не безгранично.

Лицо Елизаветы окаменело. На секунду у меня перехватило дыхание. Я приготовился услышать, как она бросит в лицо королеве какую-нибудь непозволительную дерзость и тем самым наверняка обречет себя на гибель. Вместо этого принцесса присела в кратком холодном реверансе и, сжимая в ладони мою записку, без единого слова направилась к дверям зала – тонкая фигурка в черном, перед которой расступались жадно шептавшиеся придворные.

Джейн, стоявшая рядом со мной, начала было лепетать бессвязные извинения.

– Мистрис Дормер, – перебила Мария, вынудив ее замолчать, – меня не интересуют ваши оправдания. В дальнейшем будьте любезны проверять, надежно ли закреплен поводок. Я разрешила вам сегодня взять с собой пса в парадный зал только потому, что вам было жалко оставлять его одного. Когда мистрис Дарриер подарила вам этого пса, и я, и она пре-

дупреждали вас, что иметь питомца – большая ответственность. Если вы не в состоянии позаботиться о нем, скажите об этом сейчас, и мы найдем ему другого, более добросовестного хозяина.

– О нет! – воскликнула Джейн с нешуточным испугом. – Я буду за ним присматривать, ваше величество, и клянусь, что впредь такого не повторится!

– Надеюсь. – Мария оглядела ее с головы до ног. – А теперь извольте вернуться на свое место.

Джейн крепко прижала Черныша к груди и, в последний раз благодарно глянув на меня, заторопилась к своему табурету. Я успел лишь подивиться, что Сибилла Дарриер подарила песика девушке, которая относится к ней с такой откровенной неприязнью, и тут вся мощь гневного взгляда Марии обратилась на меня.

– Прошу прощения вашего величества, – проговорил я. – Я не хотел причинять вам беспокойства.

Лицо королевы осталось совершенно непроницаемо.

– Мастер Бичем, вы отличаетесь изрядным проворством. Это похвальное качество, и жизнь научила меня высоко ценить его, поскольку оно зачастую предотвращает катастрофу. Однако же мне сдается, что вы нуждаетесь в напоминании о том, каково ваше истинное положение при дворе. Вы – мой слуга, и потому запомните: я желаю, чтобы те, кто мне служит, держались как можно дальше от моей сестры. Надеюсь, вам это ясно?

Мария не стала дожидаться моего ответа. Вздернув подбородок, она вернулась в свое кресло с таким видом, словно меня вовсе не было на свете.

Глава 6

В зал, кувыркаясь на бегу, ввалились карлики. Началось представление, и лицо Марии заметно просветлело. Она восторженно хлопала в ладоши, когда карлики в покрытых блестящими нарядах и колпаках с колокольцами самозабвенно боролись друг с другом, шлепая противника по ягодицам и перебрасываясь непристойными остротами. Мне и в голову не приходило, что королеве может прийтись по вкусу такое буйное действо, однако она явно получала немалое удовольствие от происходящего, подбадривала бойцов выкриками и бросала им монетки из кошелька, который держала в руках леди Кларансье. Зато одетые в черное испанцы, теснившиеся вокруг королевы, хмурились при виде столь неподобающего поведения.

Я отошел к стене, где лежала густая тень, и схватил с подноса у проходившего мимо слуги кубок с вином. Одним глотком, не переводя дух, я осушил кубок; рука дрожала. Елизавета получила мою записку; теперь из всех дел осталось только встретиться с Ренаром. Мне было ясно одно: что бы ни происходило при дворе, принцесса здесь – пленница. Мария отказала ей в разрешении уехать, в ее обращении с Елизаветой видна откровенная ненависть. Я не мог утверждать наверняка, что причиной всему этому были именно интриги Ренара, однако же сам видел, как он шептал на ухо королеве незадолго до появления Елизаветы. Он обратил внимание королевы на отсутствие сестры, зная, что Мария непременно будет этим взбешена.

Оставив раздумья о принцессе, я устремил внимание на свиту королевы, особенно выделив Сибиллу. Она незадолго до того подплыла к леди Леннокс и теперь учтиво беседовала с ней, оставив Джейн и ее песика, уже взятого на поводок и в изнеможении свернувшегося под табуретом. Сибилла, судя по всему, чувствовала себя непринужденно в обществе кислотицей леди Леннокс, чья принадлежность к Тюдорам делала ее значимой персоной при дворе. Из этого следовало, что Сибилле благоволит сама королева, ибо леди Леннокс явно была не из тех, кто готов тратить время на заурядную фрейлину.

И все же Сибилла только что помогла мне.

Audentes fortuna juvat, шепнула она. Фортуна благоволит смелым.

Меня сжигало любопытство. Сибилла выразила сочувствие бедственному положению Елизаветы и как-то – в этом я был уверен – догадалась, что я собираюсь предпринять. Она знала, что мне необходимо устроить отвлекающий маневр, чтобы подобраться поближе к Елизавете, и именно потому обратила мое внимание на ревнивый взгляд Ренара, тем самым предостерегая, что времени действовать у меня не много.

Известно ли ей что-нибудь об интриге, которую Ренар плетет против принцессы?

Может ли Сибилла стать моей союзницей?

Эти размышления прервались, когда я увидел Кортни. Еще недавно он так и стоял у камина, небрежно опираясь о раму и держа в руках кубок, но сейчас уже низко склонился перед королевой, словно спрашивал у нее дозволения удалиться. Я выпрямился, оторвавшись от стены. Я остался в зале намеренно, дабы отвести от себя подозрения, но сейчас, когда граф широким шагом прошел мимо меня, нарочито хмурясь, я понял, что пришло время в очередной раз потрудиться.

Я поманил к себе Перегрин:

– Возвращайся в нашу комнату. Мне нужно закончить одно дело.

Пегрин уставился на меня, приоткрыв рот:

– Дело?

– Да. А теперь исполняй, что сказано.

С этими словами я обогнул Перегрину и двинулся дальше, но мальчик вдруг цепко схватил меня за руку. Я молча воззрился на него.

– Я знаю, что ты задумал! – прошептал он. – Ты хочешь проследить за Кортни. Не надо, это опасно.

– Перегрин, отпусти мою...

– Ты не понимаешь! Пока ты гонялся за той безмозглой шавкой, я кое-кого увидел!

Я помолчал, глядя, как Кортни скрывается за теми же самыми дверями, через которые раньше покинула зал Елизавета.

– Кого? – спросил я, поворачиваясь к Перегрину. – Кого ты увидел?

– Человека, который следил за тобой вон из того угла, рядом с колоннами. В черном плаще с капюшоном. Огромного роста. Лица я не смог разглядеть, но облик у него был недружественный.

Меня пробрал озноб. Все та же фигура в черном, которую я заметил раньше. За мной следят! Кто это может быть – наймит Ренара? Неужели посол успел приставить ко мне своего агента?

Неужели я чем-то выдал себя?

– Где он сейчас? – Я вырвался из его цепких мальчишечьих пальцев. – Веди себя сдержанней, не то все заметят, что ты нервничаешь. Притворись, что просто озираешься по сторонам, словно что-то забыл.

Перегрин огляделся.

– Не вижу его. И в том месте его больше нет. Но ведь был же! – Голос его задрожал. – Даю слово, он все это время следил за тобой!

– Я тебе верю. Правда. Только дело не может ждать, поэтому поступай, как я сказал. Вернись в нашу комнату и не выходи оттуда. На стук не открывай. Я постараюсь вернуться как можно скорее. – С этими словами я подтолкнул мальчика к противоположному выходу. – Ну же, ступай. Живо!

Перегрин неохотно ушел, то и дело косясь на меня через плечо. Выпитое за вечер вино бултыхалось кислятиной в желудке. Ниже надвинув берет, я нырнул в двери зала и двинулся по темным коридорам, где пахло застоявшимися духами и свечным дымом. Выставив себя на всеобщее обозрение, чтобы добраться до Елизаветы, я нешуточно рисковал и притом укрепил подозрения Ренара, однако ни сам посол, ни его подручный меня не остановят. Тогда, на помосте, королева обратилась именно к Кортни, собираясь послать его, точно какого-нибудь лакея, за Елизаветой; однако на людях Кортни и Елизавета ведут себя так, будто совсем не знакомы. За все время в зале они даже ни разу не оказались рядом друг с другом, и одно это доказывало, что Кортни не просто спутник для верховых прогулок. Оба они были в чем-то замешаны, и я твердо намеревался узнать, в чем именно.

Выйдя в длинную галерею, я увидел, что навстречу порхающей походкой движется придворная парочка в усыпанных драгоценными камнями нарядах. Я завихлял ногами, притворяясь пьяным, и женщина захихикала, а мужчина сердито крикнул: «Прочь с дороги, болван!» Едва они прошли мимо, я ускорил шаг. Кортни наверняка шел этой же галереей, однако, выйдя из нее и спустившись по лестнице в более узкий коридор, я заподозрил, что свернул не туда. Уайтхолл представлял собой сущий лабиринт, секретами которого я едва начал овладевать, и сейчас понял, что направляюсь в самые недра дворца, где от голых каменных стен веет заплесневелой сыростью.

Я беззвучно выругался и решил повернуть назад. Кортни мне, скорее всего, уже не догнать, и...

До моего слуха донесся слабый отзвук голосов.

Я попятился назад, к тому месту, где коридор совершал поворот. Стылый свет, сочившийся из кое-как навешенной задней двери, отчасти высвечивал двоих людей. Тот, что

повыше, стоял ко мне спиной, уперев руку в бедро, но я сразу распознал черно-белые складки плаща, обшитого по краю галуном с серебряными наконечниками. Вторая фигура, закутанная в черный плащ, была ниже на голову и тоньше. Кровь моя лихорадочно застучала в висках, когда я различил алебастрово-бледный овал женского лица, обрамленный меховым капюшоном.

Я отступил в темноту, чувствуя, как неистово колотится сердце.

Елизавета. Наедине с Кортни.

– Мы должны быть осторожны, – услышал я ее голос, подхваченный и усиленный эхом сводчатого коридора. – Игра становится чересчур опасной.

– Игра? – Кортни грубо хохотнул. – Это давно уже не игра. С тех пор как эта старая карга, твоя сестрица, вознамерилась запродать нас испанцам, мы больше не играем – мы бьемся за свою жизнь.

– Ты забываешь, что моя сестра пока не сделала объявления, – парировала Елизавета. – Вполне возможно, ее помолвка с Филиппом Испанским так и не состоится. Подобные дела скоро не делаются. Существует добрая сотня причин, которые могут стать помехой...

– Вопрос лишь в одном: велит она отрубить тебе голову до венчания или после, – перебил Кортни так бессердечно, что я похолодел. – Разве ты не слышала, как она говорила с тобой сегодня в зале? Перед всем своим чертовым двором! Пойми, угождать и вашим и нашим больше не выйдет. Мария тебя не пощадит. Она отправит тебя на эшафот, даже если ради этого ей придется казнить всех до единого протестантов Англии!

– Осторожней со словами, кузен. – Голос Елизаветы посуровел. – Ты говоришь о моей сестре. К тому же она пока не сделала мне ничего дурного. Я по-прежнему наследую трон согласно последней воле нашего отца.

Кортни расхохотался:

– А после тебя, согласно воле того же Генриха, трон наследуют ваши тетки и их дети! Мария добьется твоей казни либо лишит тебя права наследования и назначит на твое место кислотицу ведьму Леннокс – до тех пор, пока не обзаведется потомством от Филиппа. Ты не хуже меня знаешь, что это так. И что же, ты покоришься? Уступишь свое священное право нечестивому союзу Марии с Габсбургом?

– Господь свидетель, с меня довольно! – воскликнула Елизавета и, помолчав, понизила голос до свистящего шепота: – Что, по-твоему, я должна сделать? За мной день и ночь следят ее шпионы, дамы, которых она назначила в мои покои, даже прачка, которая стирает мое белье! С тех самых пор, как я прибыла ко двору, я хожу по краю пропасти. Нет, я не покорюсь... но и головы лишаться не намерена. Если уж до того дойдет, я сделаю все, чтобы остаться в живых.

– И что же именно? Станешь лизать задницу папе и Филиппу Испанскому заодно?

Голос Кортни звучал так дерзко, что я, не выдержав, рискнул снова заглянуть за угол. И увидел, что Кортни подался к Елизавете, словно собирался взять ее за руки, а она отпрянула.

– Ты добиваешься, чтобы я собственными руками выстроила себе эшафот!

– Я тебя ни к чему не принуждаю, – отозвался он. – Только ты ведь сама слышала, что сказала твоя сестра: время уклончивости и промедлений прошло. Доверься хотя бы мне и Дадли. Только мы сумеем тебя уберечь.

Я застыл, словно оледенев. Дадли! Роберт Дадли, мой бывший хозяин, любимый сын Нортумберленда и друг детства Елизаветы, которого Мария заключила в Тауэр вместе с его братьями... Роберт Дадли, осужденный за государственную измену.

Елизавета замерла, казалось, даже не дышала. Мгновения тянулись, словно годы, отягченные безмолвными раздумьями принцессы. Наконец она негромко сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.